

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник научных исследований «XX век. Тридцатые годы» продолжает серию «Из истории международных связей русской литературы», которая была задумана еще в середине 1960-х годов академиком М. П. Алексеевым (1896–1981). С тех пор в этой серии вышло девять книг: «Эпоха Просвещения» (1967), «От классицизма к романтизму» (1970), «Ранние романтические веяния» (1972), «Эпоха романтизма» (1975), «От романтизма к реализму» (1978), «Эпоха реализма» (1982). В дальнейшем она была продолжена; появились седьмой, восьмой и девятый выпуски — «На рубеже XIX и XX веков» (1991), «Начало века» (2000), «XX век. Двадцатые годы» (2006).

Очередной, десятый, в своем роде юбилейный выпуск серии посвящен тридцатым годам, драматическому периоду российской истории, имеющему ярко выраженную специфику. Исследователи часто характеризуют это время как «раннюю эпоху советской власти» и не отделяют от предыдущего десятилетия, предпочитая вести речь о «двадцатых-тридцатых годах», о периоде «между двумя мировыми войнами». Однако именно в тридцатые годы завершается становление коммунистического тоталитаризма в СССР, а в ряде стран Западной Европы утверждается тоталитаризм фашистского и национал-социалистического типа. Противостояние политических систем придавало особую напряженность культурному взаимодействию, ведь и левый, и правый тоталитаризм уделяли особое внимание воспитанию «нового человека». Поэтому с полным правом можно говорить о «культурном проекте», который был выработан в Стране Советов в тридцатые годы с оглядкой на европейскую и мировую культуру. Его важной составляющей была переводная литература и, шире, литературная и издательская политика коммунистического государства — именно они избраны объектом изучения и осмысления в данном коллективном труде.

В сборнике «XX век. Тридцатые годы» анализируются проблемы перевода и рецепции зарубежной литературы в обозначенный период. Причем, понятия «перевод» и «рецепция» рассматриваются как в прямом, так и в более широком смысле, охватывая различные аспекты

культурных связей с границей: посещения иностранными писателями СССР, переводы и издания их произведений, их роль в становлении советской литературы.

В сборнике приняли участие сотрудники Отдела взаимосвязей русской и зарубежных литератур Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Р. Ю. Данилевский, К. Б. Егорова, П. Р. Заборов, К. С. Корконосенко, М. Э. Маликова, Г. А. Тиме, Д. В. Токарев), а также исследователи, связанные с этим Отделом общностью научных интересов (П. В. Дмитриев, О. И. Мусаева, Г. Е. Потапова, С. Л. Фокин).

СССР И ЕВРОПА:
СОВЕТСКИЙ «КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ»
ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ

Феномен тридцатых годов редко выделяется исследователями культуры: он либо обозначается как «ранняя эпоха советской власти», «двадцатые-тридцатые годы», либо как «время между двумя мировыми войнами». Между тем этот отрезок времени имеет свою специфику, связанную не только с развитием тоталитаризма в СССР, но и с усилением тоталитарных и фашистских тенденций в некоторых европейских странах (в Германии, Испании, Италии). В 1930-е годы в Советском Союзе воплощался в жизнь особый «культурный проект», призванный заложить основы культурного строительства страны на последующие десятилетия, определить ее место в мировой, и особенно в европейской культуре. «Проект» коснулся всех гуманитарных областей. Пересмотру подверглась и сама идеология. Происходило разрушение старых и создание новых институций; активно проводилась «институционализация советского культурного поля»¹ в целом.

Процессы, о которых пойдет речь, стали постепенно проявляться в середине 1920-х годов (возможно, поэтому исследователи зачастую и не отделяли их от тридцатых), а на рубеже 1920–1930-х годов четко обозначились их основные направления и цели. Создание

¹ См.: *Кларк К.* РАПП и институционализация советского культурного поля // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 209. Следует добавить, что тридцатые годы — это и период, когда события в области культуры плохо поддаются адекватному описанию в рамках традиционной академической истории литературы. Их изучение требует учета социологии существования культурного поля относительно тоталитарного поля власти (ср. Пьер Бурдьё) и принципиально новой роли средств информации в конструировании массовой культуры (ср. Никлас Луман).

институций, призванных, как правило, служить проводниками сталинской идеологии в культуру, не только ставило эту задачу на государственный уровень, но и обеспечивало надежность ее исполнения, возложенного на специальные подотчетные организации. Подобной участи не избежало и само «идеологическое поле». Несмотря на то, что уже в 1920-е годы марксизм превратился не только в победившую идеологию, но в методологическую установку для любого рода научных исследований,² в конце десятилетия постепенно стали уничтожаться прежние идеологические институты и почти одновременно создаваться новые.

Так, в декабре 1928 года в Москве при участии НКВД возникает Общество воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД), а в 1931 году происходит разгром Института К. Маркса и Ф. Энгельса, основателем и первым директором которого с 1921 года был академик Д. Б. Рязанов.³ Во главе московского ОВМД становится не менее известный и чиновный пропагандист марксизма-ленинизма и диалектического материализма А. М. Деборин: с 1926-го по 1931 год он был ответственным редактором журнала «Под знаменем марксизма», а с 1929-го по 1931-й — директором Института философии.⁴ Уже в на-

² Подробнее см.: *Дмитриев А.* «Академический марксизм» и история Академии // Новое литературное обозрение. 2002. № 54. С. 29–60.

³ Давид Борисович Рязанов (наст. фам. Гольдендах; 1870–1938), человек европейски образованный, имевший биографию убежденного революционера, позволяя себе в любом обществе и лично Сталину говорить правду о слабости вождя в «теоретических вопросах», а также оказывать помощь репрессированным (см.: *Рокитянский Я. Г.* Из биографии академика Д. Б. Рязанова: разгром Института К. Маркса и Ф. Энгельса (март 1931) // Отечественные архивы. 2008. № 4. С. 10–23; см. также: *Дойчер И.* Разоруженный пророк. М., 2006. С. 423–424). Рязанов многократно подвергался арестам под надуманными предлогами, последний арест завершился расстрелом в 1938 году.

⁴ Абрам Моисеевич Деборин (наст. фам. Иоффе; 1881–1963), выпускник философского факультета Бернского университета (1908), в 1929 году был избран действительным членом АН СССР, против чего выступал В. И. Вернадский, аргументируя это тем, что «философия, которую он представляет, не является наукой». После встречи Деборина со Сталиным 9 декабря 1930 года началась «культ личности Сталина в философии» (подробнее см.: *Боголюбов А. Н., Роженко И. М.* Опыт «внедрения» диалектики в математику в конце 20-х — начале 30-х годов // Вопросы философии. 1991. № 9. С. 33, 37). Однако к концу 1930-х годов Деборина начинает оттеснять «молодой марксист» М. Б. Митин; в связи с начавшимися идеологическими разногласиями с вождем Деборин был постепенно снят со всех значительных постов, хотя репрессирован не был.

чале следующего, 1929 года, ОВМД стали возникать в большинстве крупных городов и областей СССР.

В 1929 году из СССР был выслан Л. Троцкий,⁵ набирало силу преследование «левого» (Г. Зиновьев, Л. Каменев и др.) и «правого» (Н. Бухарин, А. Рыков, М. Томский и др.) «уклонов троцкизма». В этот период Сталин нуждался в поддержке самой широкой общественности и научных кругов. В 1929 году в газете «Правда» была опубликована его программная статья «Год великого перелома»; в том же году было отпраздновано пятидесятилетие вождя, который призвал «не жалеть крови для победы социализма».⁶

Членам ОВМД и других подобных организаций вменялось не только чтение лекций для менее «просвещенных» товарищей, но и обмен информацией между собой: на заседаниях Правления Общества, на собраниях его ячеек систематически делались доклады, как правило, чисто идеологического и пропагандистского содержания. Это давало простор для ожесточенных «дискуссий» по поводу верного или неверного толкования классиков марксизма-ленинизма, для мелких придинок, которые впоследствии могли стать и часто становились залогом крупных неприятностей и даже преследований. Наиболее частым стало обвинение в «троцкистской пропаганде».

Основную пропагандистскую функцию должна была взять на себя советская наука и в первую очередь Академия наук СССР, которая, согласно Постановлению от 27 июля 1925 года, объявлялась высшим научным учреждением страны. 14 сентября 1925 года в Москве в здании Большого театра было отпраздновано 200-летие Академии, где присутствовали не только советские ученые, но и их зарубежные коллеги. Однако в новом уставе Академии содержалось положение, согласно которому ее руководство более не избиралось членами организации, а назначалось Советом народных комиссаров (Совнарком, СНК).

⁵ Следует заметить, что созданию ОВМД предшествовала в 1924 году организация ОВМ (Общества воинствующих материалистов), которую живо приветствовал именно Л. Троцкий. Он же, приветствуя в 1922 году создание журнала «Под знаменем марксизма», наиболее четко сформулировал основные задачи институций, долженствующих служить чистоте идеологии: метод Маркса «служит ныне преимущественно, почти исключительно для *политических* целей. Широкое познавательное применение и методологическое развитие диалектического материализма целиком впереди» (цит. по: *Яхонт И.* Подавление философии в СССР (20–30-е годы) // Вопросы философии. 1991. № 9. С. 51).

⁶ См.: *Боголюбов А. Н., Роженко И. М.* Опыт «внедрения» диалектики в математику в конце 20-х — начале 30-х годов. С. 34.

Новый Устав включал в себя три положения, особо подчеркивавшие необходимость сближения науки и практики, расширения прав управляющих органов, а также контроля «политлояльности и формы воздействия». ⁷ Эти пункты Устава недвусмысленно свидетельствовали о намерении сталинского государства взять науку под полный контроль НКВД, обеспечив не только идеологический надзор, но и непосредственное проникновение в научные ряды идеологических пропагандистов и соглядатаев, привлечение к этой деятельности самих ученых. ⁸

Так, в 1930 году в Ленинградском университете стала проводиться глобальная реформа под руководством нового ректора Ю. Н. Никича, бывшего заведующего курсами красных хозяйственников. Реформа была направлена против «феодализма и метафизики», якобы царивших в этом учебном заведении; ее результатом стало уничтожение в нем практически всех гуманитарных факультетов. Такое положение дел сохранялось с 1930-го по 1934 год и почти совпало со временем наиболее активной деятельности ленинградского ОВМД. В этот период в ЛГУ существовал лишь кабинет диалектического материализма. Философию же преподавали на двух факультетах: математическом (руководитель кафедры доцент А. С. Поляк) ⁹ и биологическом (заве-

⁷ См.: *Макаренко В. П.* Этатизация науки: советский опыт // Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. 2007. Т. 5. № 4. С. 90.

⁸ Это было одно из проявлений репрессивной политики, направленной на уничтожение интеллигенции и разложение научного сообщества изнутри. Кроме ОВМД этим целям служил Институт красной профессуры (ИКП), Всесоюзная организация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНИТСО), журналы «ВАРНИТСО», «Научный работник». Позднее эти два журнала были объединены в один под названием «Фронт науки и техники». В обращении редколлегии журнала «Фронт науки и техники» «ко всем работникам науки и техники, всем читателям журналов „ВАРНИТСО“ и „Научный работник“» в мае 1931 года сообщалось следующее: «Начиная с настоящего номера наш журнал объединяет в своем лице два ранее раздельно существовавших печатных органа: журнал Всесоюзной ассоциации работников науки и техники, активных участников строительства социализма СССР „ВАРНИТСО“ и журнал „Научный работник“, орган СНР [Секция научных работников союза работников просвещения]. Он получает новое название „Фронт науки и техники“» (<http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/os/475-495.pdf>).

⁹ Ленинградское математическое общество, в отличие от московского, было практически разгромлено в ходе «философских дискуссий» уже в 1929 году (Подробнее об этом см.: *Боголюбов А. Н., Роженко И. М.* Опыт «внедрения» диалектики в математику в конце 20-х — начале 30-х годов. С. 33).

дующий кафедрой диалектики природы и эволюционного учения, активный член ОВМД, будущий академик ВАСХНИЛ И. И. Презент).¹⁰

В годы наиболее активной деятельности ленинградского ОВМД (1929–1931) проводилось расследование сфабрикованного ОГПУ «Академического дела», в ходе которого за «антисоветскую деятельность» был, в частности, арестован, сослан и в дальнейшем умер в ссылке С. Ф. Платонов (1860–1933), директор Пушкинского Дома и Библиотеки Академии наук с 1925 года. Платонову вменялось в преступление хранение неугодных властям архивных документов: переписки Николая II с петербургским генерал-губернатором Д. Ф. Треповым, материалов посла Временного правительства в Лондоне К. Д. Набокова, архивов партий кадетов, эсеров и др.¹¹

На самом же деле пропагандистские доклады членов ОВМД, организованных практически при всех советских университетах, институтах и предприятиях, как правило, демонстрировали банальную ритуальность идеологических выступлений, но, воспринятые с определенной временной дистанции, предстают сегодня как своего рода психологические казусы, что находит отражение даже в языке докладчиков. Психология советского ученого 1930-х годов, как правило, вынужденного становиться пропагандистом-идеологом, в последнее время закономерно привлекает внимание исследователей, которые пытаются дать объяснения ее особенностям: «Герметичный язык, идеологически нагруженное содержание, казуистические внутренние дискуссии о том, чья теория самая правильная и марксистская — все это превратило советскую психологию в головоломку, в ребус, для дешифровки которого необходимо хорошо ориентироваться в идеологическом и социальном контексте, уметь читать между строк...»¹²

¹⁰ Это приняло форму победоносной борьбы против «реакционного эйнштейнианства», «кибернетической лженауки» и генетики как «фашистской науки», что повлекло за собой не только многочисленные репрессии против выдающихся ученых, но и обрекло СССР на непреодолимое отставание в области кибернетики и генетики, ошутимое и по сей день.

¹¹ См.: Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1 / Отв. ред. В. П. Леонов. СПб.: Библиотека Российской Академии наук, 1993; также см.: Сафонов М. М. С. Ф. Платонов и акт отречения Николая II // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, С. О. Шмидт. СПб., 2011. С. 146–164. В 1934 году Академия наук, сначала находившаяся в Ленинграде, получила московскую прописку.

¹² Ясницкий А., Завершинева Е. Об архетипе советской психологии как научной дисциплины и социальной практики // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 349.

К концу 1930-х годов сформировались определенные архетипы советской психологии, обусловленные внешними причинами: 1. Разрыв между теорией и практикой (идеологизация и политизация психологии); 2. Устойчивость к смене теоретической и методологической «рамки» («гибкость» науки, стремящейся к выживанию); 3. Последовательное избегание «идеалистических» исследовательских тем; 4. «Двоемыслие» в публичных текстах как реакция на цензуру; 5. Интеллектуальная и организационная закрытость; 6. Номенклатурность (должностная иерархия и легитимизация только «своего» в науке); 7. Научный изоляционизм.¹³

Если попытаться обобщить названные архетипические свойства психологии стремящегося выжить советского человека (не только ученого, но и просто занимавшегося любым видом гуманитарной деятельности), то основными из них будут: двоемыслие, закрытость и подчиненность — свойства пограничных состояний человеческой психики.

Это, по всей видимости, и стало одним из важных «достижений» ОВМД, торжественно открытого в 1929 году и тихо закрытого весной 1934 года,¹⁴ еще до убийства Кирова, «легитимировавшего» начало большого террора. Во всяком случае нет сомнений в том, что истинной задачей Общества была не только борьба за чистоту диалектического материализма и установление тотального идеологического контроля НКВД над Академией наук, высшими учебными заведениями и предприятиями, но и разобшение научного сообщества, а также изучение «человеческого фактора»: выявление как явных и потенциальных «врагов», так и людей «слишком активных», пусть и идущих навстречу этому начинанию.

В процессе добровольно-принудительного участия в деятельности ОВМД и подобных ему организаций, как правило, происходил слом человеческой личности — вне зависимости от того, оборачивалась ли эта деятельность в пользу карьерного роста или наоборот — мостила дорогу к репрессиям, вплоть до физического уничтожения.

Широко известны случаи, когда блестящая карьера заканчивалась тем же, как, например, в случае Рязанова и созданного им Института.

Что же касается ленинградского ОВМД, то его закрытие вовсе не завершилось разгромом, хотя наиболее активные члены Общества явно были взяты «на заметку». К ним, как и ко многим видным идео-

¹³ Там же. С. 345–348.

¹⁴ Подробнее о деятельности ЛОВМД см.: Тиме Г. А. Институционализация идеологии. Общество воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД) в Ленинграде 1920-х — 1930-х годов // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х — к 1930-м годам: Материалы проекта (2011). <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10460>.

логическим деятелям, для устрашения нередко применялась своего рода игра «в кошки-мышки»: череда нелепо мотивированных арестов и освобождений, которая очень часто (но не всегда!) заканчивалась физическим уничтожением. И тогда к двоемыслию, закрытости и подчиненности — свойствам пограничных психических состояний преследуемого человека — прибавлялся постоянный страх, сдерживаемый, однако, смутной надеждой на спасение.

Таким образом, результатом пятилетней деятельности ОВМД и других подобных ему организаций стали выявление и уничтожение инакомыслия и инакомыслящих, разобщение людей в научных и других, особенно гуманитарных сообществах. По сути дела, это была психологическая подготовка разных слоев советского общества к большому террору, который, по замыслу Сталина, должен быть встречен с пониманием в широких народных массах. И действительно, все самые громкие многолетние дела по преследованию левого и правого «уклонов троцкизма», начатые в 1920-е годы и во второй половине 1930-х годов были благополучно завершены полным разгромом и физическим уничтожением оппозиции при одобрении со стороны «советских трудящихся». Таким образом, «культурный проект» тридцатых и с общественно-психологической точки зрения готовился уже в конце двадцатых годов.

Одним из важнейших событий «проекта» стал, несомненно, Первый съезд советских писателей, который состоялся в 1934 году. Характерно, что дату съезда неоднократно переносили: с 1931-го на 1933-й год, затем на 1934-й, пока, наконец, не были созданы все необходимые предпосылки для его успешного проведения. Среди таких предпосылок было и закрытие организаций культуры, связанных с революционным, еще относительно свободным энтузиазмом¹⁵ и частным предпринимательством в издательском деле начала и середины двадцатых годов. На этом следует остановиться подробнее.

¹⁵ В 1920-е годы существовало множество объединений революционных и пролетарских писателей, среди которых самым значительным была ФСП (Федерация советских писателей, 1925), с 1927 года — ФОСП (Федерация объединений советских писателей), включавшая в себя ВАПП (Всероссийскую ассоциацию пролетарских писателей), ВОКП (Всероссийское общество крестьянских писателей) и ВСП (Всероссийский союз писателей). Немного позднее к ним присоединились и левые группы «Перевал», «Кузница», «ЛЕФ». Однако в Федерации довольно скоро установилась атмосфера доносительства, «чисток». Лучшим литературным «критиком» объявлялось ГПУ (подробнее см.: *Рогачевский А.* В преддверии Союза писателей СССР: ФОСП и институциональные рамки объединения советских писателей в 1920-е годы // Соцреалистический канон. С. 273 и след.).

Подобно многим научным и чисто идеологическим институциям, в начале 1930-х годов уничтожается РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей), созданная в 1925 году. Она была расформирована постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 года. В нем также рекомендовалось объединить всех писателей, поддерживающих советскую власть и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз, включающий коммунистическую фракцию, а также провести «аналогичное изменение по линии других видов искусства (объединение музыкантов, композиторов, художников, архитекторов и т. п. организаций)». Было создано оргбюро для разработки «практических мер по проведению этого решения». ¹⁶ М. Горький в своей речи на Первом съезде советских писателей заметил, что все предыдущие писательские ассоциации создавались, чтобы объединять людей, в то время как требовалось «соединить все цели в том *единстве*, которое руководит всею трудотворческой энергией страны». ¹⁷

РАПП была расформирована несмотря на вполне лояльную позицию относительно советской власти: «борьбу с троцкизмом», поддержку «пролетарской культуры», непримиримую критику «беспартийности в литературе», которая коснулась В. Маяковского, М. Булгакова и мн. др. Идеологической трибуной организации был журнал «На литературном посту» (1925—1932), закончивший свое существование вместе с ней. Во главе РАПП стояли писатели как позднее уничтоженные (Л. Авербах, В. Киришон), так и продолжившие свою деятельность в организованном сверху Союзе советских писателей (например, В. Ставский, с 1936 года генеральный секретарь Союза писателей, в 1937—1941 годах — главный редактор журнала «Новый мир»; или А. Фадеев — член ЦК КПСС, глава Союза писателей СССР в 1940—1950-е годы). ¹⁸

На рубеже 1920—1930-х годов начинается централизация издательского дела. ¹⁹ Большинство частных кооперативных издательств

¹⁶ См.: Партийное строительство. 1932. № 9. С. 62.

¹⁷ Первый всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М., 1934. С. 17.

¹⁸ Судьба Фадеева — яркий пример трагической внутренней раздвоенности многих, казалось бы, верных партии и обласканных ею писателей. Яростный гонитель А. Ахматовой, Б. Пастернака, М. Зощенко и других Фадеев тайно оказывал им материальную помощь и человеческую поддержку. Как известно, в 1956 году он покончил с собой.

¹⁹ В середине 1920-х годов в стране было 2043 издательства, из них 527 — в Москве (см.: Наша печать. Л., 1925. С. 59).

в этот период было закрыто, однако некоторым удалось продержаться еще несколько лет, пусть и в немного измененном виде. Среди них — наиболее значительные и важные с точки зрения популяризации зарубежной литературы — издательства «Время» и «Academia».

Издательство «Время», созданное в 1922 году и ориентировавшееся, в основном, на издание классических и современных произведений переводной литературы, до конца 1920-х годов еще сохраняло свою самостоятельность и кооперативную форму. Но после ареста в 1930 году И. В. Вольфсона (основателя, директора и основного пайщика издательства) в его руководство были введены руководящие сотрудники ленинградского Областлита, Промкооперации, а председателем редсовета стал А. В. Луначарский. И хотя внешне качество печатной продукции было сохранено, новое руководство способствовало постепенной переориентации издательства на сталинскую политику издания переводной литературы, а в 1934 году «Время» было закрыто и «влито» в Гослитиздат. Вместе с тем деятельность издательства «Время» дала неоценимый опыт в области квалифицированной подготовки к печати авторизованных собраний сочинений зарубежных писателей, к работе над которыми привлекались видные филологи и переводчики (Г. П. Блок, Б. М. Эйхенбаум, М. А. Кузмин, А. А. Смирнов и мн. др.).

Одним из наиболее профессиональных и даже элитарных издательств пореволюционного периода стало издательство «Academia», созданное в 1921 году в Петрограде (в 1929 году оно переместилось в Москву под эгиду ОГИЗа). Во главе издательства ЦК ВКП(б) сначала поставили П. И. Чагина (Болдовкина), возглавлявшего в середине 1920-х годов газету «Бакинский рабочий»; в 1931 году его сменил И. И. Ионов (Бернштейн), также пытавшийся наладить партийное руководство над издательством, опекаемым М. Горьким. Именно Горький в январе 1932 года написал письмо Сталину, в котором обосновал необходимость замены главы издательства и предложил кандидатуру Л. Каменева. Весной 1932 решением ЦК ВКП(б) Каменев был утвержден на должность директора издательства, но в дальнейшем, несмотря на несомненные успехи доверенного ему учреждения, его личная судьба сложилась так же как и у многих более или менее свободомыслящих выдвиженцев 1920-х годов в годы 1930-е.²⁰

²⁰ Уже осенью 1932 года по указанию Сталина Каменев был сослан в Сибирь в связи с якобы причастностью к так называемому делу «Союза марксистов-ленинцев», однако, что характерно, продолжал оставаться на посту руководителя издательства «Academia». В 1933 году Каменев вернулся в Москву, на следующий год был вновь арестован, а в августе 1936 года казнен.

Но буквально за два-три года, оставаясь на должности директора издательства, директора Института литературы им. М. Горького (1934), а с мая 1934 года и директора Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР,²¹ Каменев успел сделать очень многое.²² В серии «Сокровища мировой литературы» издательство выпустило множество шедевров переводной литературы. Только в 1932–1933 годах увидели свет произведения Д. Дефо, К. Иммермана, Л. Пиранделло, А. Прево, Д. Свифта, М. Сервантеса (несколько изданий), Эразма Роттердамского, Апулея, Дж. Байрона, Д. Бокаччо, Вергилия, И. Гете, Ч. Диккенса, Шодерло де Лакло, Плавта, Сенеки, У. Теккерея, Э. Сю, Полное собрание сочинений П. Мериме и др. Издательство «Academia» занималось и популяризацией фольклора народов мира. За обозначенный период им были выпущены: «Книга тысячи и одной ночи» (несколько изданий), «Калевала. Финский народный эпос», «Ирландские саги», «Латышские сказки», «Сербский эпос» и др.

В целом за время существования «Academia» с 1921 по 1938 год было издано более девятисот книг, среди которых значительное место занимала именно переводная литература. В издательстве работали лучшие профессионалы эпохи, которыми был задан очень высокий уровень подготовки изданий. Это касалось выбора авторов и переводчиков, комментаторов и художников. Неслучайно на базе «Academia» в 1947 году была основана серия «Литературные памятники», существующая по сей день. Работа самого издательства была возобновлена в 1991 году при активном участии Д. С. Лихачева.²³

В 1929 году впервые был принят пятилетний план, включавший и планирование печати; в 1932 году СССР отказывается от импорта бумаги и налаживает собственную полиграфическую промышленность.

²¹ См.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 452.

²² В Пушкинском Доме в короткий срок при участии Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского под общей редакцией Л. Б. Каменева были подготовлены два собрания сочинений А. С. Пушкина — в шести и в девяти томах. Последнее собрание, вышедшее уже в 1935–1938 годах, отличалось особым изяществом оформления, созданного Н. И. Пискаревым. В этот период издательство «Academia» выпускало сочинения и других русских классиков: А. Герцена, Л. Толстого, М. Салтыкова-Щедрина, И. Тургенева, а также собрания русских народных сказок и других фольклорных материалов народов СССР.

²³ Подробнее об издательстве «Academia» и его сотрудниках см.: Крылов В. В., Кичатова Е. В. Издательство «Academia». Люди и книги. 1921–1938–1991 / Под общ. ред. В. А. Попова. М.: Academia, 2004.

В начале 1930-х годов происходит централизация издательского дела: появляется ОГИЗ, вобравший в себя многие крупные и мелкие издательства. Так возникает своего рода «первый в истории и единственный в мире издательско-производственный комплекс, сконцентрировавший значительную часть издательского и полиграфического производства страны и почти всю книготорговлю».²⁴ В связи с этим была организована и соответствующая подготовка кадров. В 1930 году открывается Московский полиграфический институт, в 1931-м — НИИ полиграфии.

Начиная с 1933 года заметно увеличивается выпуск художественной литературы, сосредоточенной в издательстве ГИХЛ (с 1938 года — Гослитиздат). В 1931 году Горьким основана «Библиотека поэта»; в 1933 году появляются ЖЗЛ (Жизнь замечательных людей), Детгиз — начинания, которым была суждена долгая и плодотворная жизнь в течение многих десятилетий. С 1934 года начинает функционировать издательство «Советский писатель». И хотя в 1930-е годы главной задачей властей было взятие под тотальный контроль всей печатной продукции — мощнейшего средства пропаганды и агитации — многие перечисленные начинания впоследствии сыграли несомненно положительную роль не только в развитии советской культуры, но и в укреплении ее международных связей.

При тщательной подготовке Первого съезда советских писателей кроме издательского вопроса на первый план выдвинулась и административно-идеологическая сторона дела: подготовка съезда началась уже в начале 1930-х годов при непосредственном участии Сталина, «сценарий» мероприятия и все выступления были согласованы с властями, которые отныне стремились полностью контролировать как писателей (их убеждения, передвижения, особенно выезды за границу), так и само творчество. Эта установка особенно ярко контрастирует с ситуацией второй половины 1920-х годов.

Так, например, 15 июня 1927 года в парижских «Последних новостях» появилась характерная заметка «Съезд советских писателей». В это время в Париже действительно наблюдался большой наплыв писателей из СССР, образовавших «Союз русских художников» в Париже. Союз устраивал выступления уже приехавших Вл. Лидина, Мих. Слонимского, О. Савича, Э. Триоле, О. Форш, И. Эренбурга. В июле предполагалось отдельное выступление «находящегося сейчас

²⁴ Подробнее см.: Книга в СССР в 1930-е годы и в период Великой Отечественной войны // Сайт Института открытого образования МГУП им. Ивана Федорова: www.hi-edu.ru/e-boks/НВ/21-1.htm.

в Париже Анатолия Мариенгофа».²⁵ 5 мая газета извещала о приезде Лидии Сейфуллиной, выступавшей «в советском рабочем союзе с чтением своих произведений из быта сибирской деревни». Далее сообщалось о приезде Маяковского, который тоже собирается выступать, «но не в кругу „своих“, а открыто и публично». К советским литераторам, упомянутым в «Последних новостях», можно добавить И. Э. Бабеля, Вс. В. Иванова, В. М. Инбер, Л. В. Никулина, тоже посетивших Париж в 1927 году.²⁶

Первый съезд советских писателей в Москве состоялся вслед за январским XVII съездом партии (печально известным «съездом победителей», более половины участников которого были впоследствии уничтожены). Съезд открылся 17 августа 1934 года (дата была утверждена на заседании Политбюро ВКП(б)), на нем присутствовало 597 человек, представлявших республики СССР, а также иностранные гости. В Президиуме кроме Сталина присутствовали Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин. Писателей в Президиуме представляли А. Толстой, М. Шагинян, М. Шолохов, И. Эренбург, Б. Пастернак.²⁷

Вместе с тем на съезде было много незначительных, выдвинувшихся по партийной линии писателей, однако отсутствовали или даже совсем не упоминались А. Ахматова, А. Белый, М. Булгаков, В. Гроссман, М. Кузмин, О. Мандельштам, А. Платонов и другие известные на Западе писатели, являвшиеся гордостью российской словесности. Так в 1934 году был создан своего рода официальный водораздел между угодными и не угодными власти писателями, хотя в будущем и тех и других могла ожидать сходная участь.

На съезде, привлечшем большое внимание мировой общественности, был установлен «соцреалистический канон» и декларировано полное подчинение писательского Союза «линии партии», оставившей

²⁵ Цит. по: *Ponomarev E. Pariser Reiseführer // Flüchtige Blicke. Relektüren russischer Reisetexte /* Hg. W.-S. Kissel. Bielefeld: Aisthesis Verlag, 2009. S. 471 ff.

²⁶ Ibid.

²⁷ Это был период, когда Б. Пастернак еще не подвергался прямым гонениям, однако выступление на съезде Н. Бухарина, причислившего Пастернака к величайшим поэтам современности, уже вызвало противоречивую реакцию. Выступление самого Пастернака также было критически прокомментировано в газетах «Правда», «Вечерняя Москва», «Известия». «Литературная газета» отмечала, что поэт переносит спор о формализме в область «„тайн творчества“ и прочих жреческих прорицаний, идеалистическая сущность которых давно разоблачена» (См.: *Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб.: Академический проект, 2005. С. 446 и след.).

за собой право его упразднения.²⁸ Открывший съезд Горький видел его значение в том, что «прежде распыленная литература всех наших народностей выступает как единое целое перед лицом революционного пролетариата всех стран и перед лицом дружественных нам революционных литераторов <...> Мы выступаем как судьи мира, обреченного на гибель, и как люди, утверждающие подлинный гуманизм, гуманизм революционного пролетариата, гуманизм силы, призванной историей освободить весь мир трудящихся от зависти, подкупа, от всех уродств, которые на протяжении веков искажали людей труда».²⁹

В целом Первый (по сути дела, пробный) съезд писателей был своего рода политическим «маневром» власти, входящим в «культурный проект» 1930-х годов. Политбюро продемонстрировало заинтересованность в самом подробном освещении его деятельности: уже во время съезда, 21 августа 1934 года, было принято постановление «Об усилении освещения съезда писателей». Оно рекомендовало газетам «Правда» и «Известия» в обязательном порядке печатать доклады участников полностью или, по крайней мере, на две трети, для чего во время прохождения съезда разрешалось «Правде» и «Известиям» использовать от двух до четырех вкладок.

Интерес к Первому съезду советских писателей был довольно значителен и в критике русского зарубежья. Еще в начале 1930-х годов Вл. Ходасевич, сетовал на то, что судьба литературы в СССР отдана в руки правительства, которое, в основном, озабочено агитацией, а Г. Адамович особо подчеркивал полное изменение самого понятия литературы, направленной не на раскрытие духовного мира человека, а на содействие строительству коммунистического общества. Вместе с тем Адамович внимательно следил за съездом и регулярно отзывался на его ход в периодике, отмечая, наряду с «тотальной фальшью» и пропагандой коммунизма, царившими на нем, «подвиг» писателей, которые могут создавать в таких условиях достойные произведения.³⁰

²⁸ «Высшим руководящим органом Союза советских писателей СССР является всесоюзный съезд советских писателей, созываемый один раз в три года (Второй съезд Союза советских писателей СССР был созван только в 1954 году, уже после смерти Сталина. — Г. Т.) <...> Союз советских писателей СССР может быть ликвидирован по постановлению всесоюзного съезда писателей или по распоряжению правительства» (Первый всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. С. 716–718, 318).

²⁹ Там же. С. 1.

³⁰ Подробнее см.: *Быстрова О. В.* Первый съезд советских писателей в оценке русского зарубежья // *Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 1920-х — 1930-х годов.* М., 2005. Ч. 1. С. 122–135.

Федор Степун, размышляя о значении советской литературы в статье «Пореволюционное сознание и задача эмигрантской литературы» (1935), настаивал на «целостности пореволюционного сознания русского зарубежья» и отмечал, что именно советская литература «принуждает ко второму взгляду, которому в масштабе событий, в их ритмах и скоростях вскрывается страшный смысл свершающегося: *смысл взрыва всех смыслов, смысл выхода русской жизни за пределы самой себя, смысл неосмысливаемости всего происходящего гибелью буржуазного и насаждением коммунистического строя*».³¹

Говоря не об «агитмакулатуре», а о советской литературе, которая по-своему борется с советским строем, Степун сблизился в своих суждениях с Адамовичем, увидевшим «подвиг» в творчестве многих талантливых писателей, оставшихся жить в советской России.³² Однако Степун, для которого свобода литературного творчества также была далеко не безразлична, настаивал, в первую очередь, на необходимости осознания эмиграцией того факта, что единственной формой борьбы за духовную и литературную свободу остается именно литературно-политическое противостояние идеократии фашизма, набирающей силу в Европе.

В своем выступлении на Первом съезде советских писателей Горький, характеризуя особенности текущего момента, также особо подчеркнул противостояние «революционного интернационализма и буржуазного национализма». Среди «инженеров человеческих душ», идеологически близких Советскому Союзу, который, по его мне-

³¹ Степун А. Ф. Сочинения / Сост., вступ. статья, прим. и библи. В. К. Кантора. М., 2000. С. 504, 287.

³² Степун был одним из первых, кто осознал духовное единство русской литературы и России, несмотря на трагический распад страны и появление двух идеологически чуждых, казалось бы, совершенно несовместимых литератур. В новой России создано немало количество литературных справочников, лексиконов, где эти две русские литературы представлены как гармоничное единство. Однако нельзя забывать, что в Советском Союзе это представлялось невозможным. Насколько мне известно, первым справочником, объединяющим две литературы, стал лексикон немецкого профессора Вольфганга Казака, вышедший в начале 1990-х годов в Западной Германии, а затем и в русском переводе в России, где вскоре выдержал второе издание. Первый русский перевод появился в Англии еще раньше — в 1988 году. Но этот «новый замысел о России» предвидел и стремился воплотить еще после окончания Первой мировой войны именно Федор Степун. См.: *Kasack W. Lexikon der russischen Literatur des XX. Jahrhunderts. München, 1992; Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года / Пер. с нем. Е. Варгафтик и И. Бурихина. London, 1988; Казак В. Лексикон русской литературы XX века / Пер. с нем. Е. Варгафтик и И. Бурихина; Ред. М. Зоркая. 2-е изд., доп. М., 1996.*

нию, как «магнит» притягивал к себе самых честных и талантливых европейских писателей, он назвал Р. Роллана, А. Жида, А. Мальро, Т. Пливье, Э. Толлера, Й. Бехера, М.-Андерсена Нексе.³³ На съезде присутствовало около сорока приглашенных иностранных писателей, однако по преимуществу незначительных, за исключением Л. Арагона, Ж.-Р. Блока, К. Манна и В. Незвала.

Это обстоятельство и возникавшая в связи с ним необходимость преобразования МОРПа (Международного объединения революционных писателей), в частности, побудили Эренбурга уже 13 сентября 1934 года обратиться с письмом лично к Сталину. «Положение на Западе сейчас чрезвычайно благоприятно: большинство наиболее крупных, талантливых, да и наиболее известных писателей искренне пойдет за нами против фашизма, — писал Эренбург, обосновывая необходимость заменить МОРП «широкой антифашистской организацией». — Политическая программа такой организации должна быть очень широкой и в то же время точной: 1) Борьба с фашизмом. 2) Активная защита СССР. Западно-европейская и американская интеллигенция прислушивается к „крупным именам”». Сталин с вниманием отнесся к этому предложению, поручив Кагановичу и Жданову способствовать ликвидации «традиции РАППа в МОРПе».³⁴

22 сентября 1934 года в Москву приехал А. Барбюс, чтобы уточнить детали для своей книги «Сталин», имевшей примечательный заголовок: «Человек, через которого раскрывается новый мир». Книга должна была быть закончена зимой следующего года и появиться одновременно не только во Франции и СССР, но и в Англии и Голландии. Барбюс давно пользовался особой благосклонностью советского вождя, который четыре раза удостоивал его личной аудиенцией (в 1927, 1932, 1933 и 1934 годах). Достаточно сказать, что другие иностранные писатели, как

³³ Следует заметить, что далеко не все перечисленные Горьким европейские писатели впоследствии ответили его ожиданиям. Так, Жид после посещения СССР превратился в недоброжелателя (ср.: Жид А. Возвращение из СССР. *Фейхтвангер Л.* Москва. 1937. М., 1990). Вообще подобные «ошибки» и даже казусы в поисках «единомышленников» и «врагов» советской власти среди европейских писателей были довольно часты и, в известной мере, неизбежны. Оценки зачастую давались исходя из текущего идеологического момента, в стремлении создать отчасти мифические образы зарубежных единомышленников, однако без учета всей сложности мировоззренческих и культурных тенденций в Европе.

³⁴ Цит. по: *Фрезинский Б.* Великая иллюзия — Париж, 1935 (Материалы к истории Международного конгресса писателей в защиту культуры) // Минувшее. Исторический альманах. 24. СПб., 1998. С.173, 175.

правило, только один раз приглашались к Сталину (Б. Шоу, Э. Людвиг в 1931-м; Г. Уэллс в 1934-м; Р. Роллан в 1935-м; Л. Фейхтвангер в 1937 году), а некоторые из них, например, Жид (еще до написания «Возвращения из СССР») такого внимания не удостоились вовсе.³⁵

Одним из важных итогов общения Эренбурга и Барбюса со Сталиным стала организация Международного конгресса писателей в защиту культуры, который состоялся в Париже в июне 1935 года и собрал представителей 35 стран. В Париже собрались, в основном, писатели левой ориентации из Франции, Германии, Испании, Скандинавских стран. Из СССР приехало 20 человек; среди них малоизвестные на Западе В. Киришон, А. Караваева, А. Корнейчук, Ф. Панферов, Н. Тихонов. Все члены советской делегации были утверждены Политбюро ЦК ВКП(б) на заседании 26 апреля 1935 года, где в присутствии Сталина было принято решение «О Международном съезде писателей в Париже». Почти все делегаты являлись лауреатами Сталинских премий, известными в СССР такими каноническим произведениями соцреализма начала 1930-х годов, как «Гибель эскадры», «Платон Кречет» (Корнейчук), «Бруски» (Панферов), «Хлеб» (Киришон). В Президиум конгресса были выдвинуты М. Горький, А. Жид, А. Барбюс, Р. Роллан, Г. и Т. Манны, О. Хаксли, Б. Шоу и др.; в Секретариат — Ж.-Р. Блок, А. Мальро, Л. Арагон, М. Кольцов, И. Эренбург, Р. Альберти.

Однако в конечном итоге на конгрессе не оказалось ни Горького, поначалу утвержденного председателем советской делегации, который, в принципе, намеревался ехать в Париж, называя это мероприятие «конгрессом Эренбурга/Барбюса», ни Шолохова. С другой стороны, не появились и такие знаковые фигуры как Т. Манн, Г. Уэллс, Б. Шоу; не было никого из американских литераторов. Не приехал в Париж и В. Незвал, участник съезда советских писателей в Москве.

В целом, в Париже собрались люди самых разных воззрений, с западной стороны — по преимуществу авангардистских литературных пристрастий, объединенные неприятием фашизма. За каждого более или менее видного представителя западной литературы шла настоящая борьба. Ответственные за проведение конгресса с советской стороны И. Эренбург (в Париже) и М. Кольцов (в Москве) даже получили установку заинтересовывать их «материально».

Организация конгресса усложнялась и слухами о финансировании этого мероприятия сталинским правительством, и мелкими скандала-

³⁵ Подробнее об этом см.: Куликова Г. Б. Пребывание в СССР иностранных писателей в 1920-е — 1930-е годы // Отечественная история. 2003. № 4. С. 43–59.

ми, принимавшими порой форму трагифарса,³⁶ и непредставительностью советской делегации с западной точки зрения, что ощутили даже организаторы, отмечавшие кроме прочего и незнание советскими писателями иностранных языков. Именно поэтому им пришлось «срочно одеть и отправить в Париж» Пастернака и Бабея.³⁷

На конгрессе советской делегации пришлось уводить повестку дня от критики политических репрессий в СССР, к которой были склонны западные участники.

Но в конечном итоге конгресс принял резолюцию о солидарности в деле защиты культуры и о подготовке Второго антифашистского конгресса, который должен был пройти в Испании в 1937 году.³⁸

Второй конгресс действительно состоялся в назначенный срок и получился более значительным именно с точки зрения противостояния фашизму. Советскую сторону представляли уже другие, но также одобренные «сверху» писатели: А. Барто, Вс. Вишневский, В. Ставский, А. Толстой, А. Фадеев и др. В качестве организаторов вновь были утверждены Эренбург и Кольцов.³⁹

³⁶ «Пошли толки, что деньги московские», — сообщал Эренбург, который к тому же лично попал в неприятную историю: А. Бретон попытался прилюдно дать ему пощечину за публикацию статьи «Сюрреалисты» (1933), где Эренбург охарактеризовал сюрреализм как движение, проповедующее садизм и половые извращения и только прикрывающееся марксизмом. В то же время Р. Тревель, подготовивший для конгресса доклад о своем уходе из стана сюрреалистов, узнав об инциденте с Эренбургом, за день до открытия конгресса покончил с собой. Его доклад прочел на конгрессе Арагон (подробнее см.: *Фрезинский Б.* Великая иллюзия — Париж, 1935. С. 181 и след.).

³⁷ Подробнее см.: *Толстой И.* «Срочно одеть и отправить в Париж» // *Огонек.* 2010. 1 фев. Выступление Пастернака с его обращением к присутствовавшим на конгрессе писателям «Не организуйтесь!» (он считал любую организацию чуждой духу свободного творчества) осталось не вполне внятным, особенно для советских писателей. Вообще в разных отчетах о конгрессе наблюдаются разночтения: подобный призыв Пастернака фиксируется не везде (см.: *Фрезинский Б.* Великая иллюзия — Париж, 1935. С. 194 и след.). Однако неожиданно даже для Пастернака сама поездка в Париж сыграла важную роль в его творчестве в целом. Именно после нее начал созревать замысел его «нобелевского» романа «Доктор Живаго».

³⁸ Подробнее о Втором Международном конгрессе писателей в Валенсии (1937) см.: *Фрезинский Б.* Советские писатели в Испании (1929—1939) // *Звезда.* 2011. № 10. С. 133—154.

³⁹ Михаил Ефимович Кольцов (наст. фам. Фридлянд; 1898—1940 или 1942) проявлял в организации и проведении конгресса особую изобретательность. Вся советская делегация была одета в новые светло-серые (но пошитые

Большое значение имело само место проведения конгресса. Он открылся в начале июля 1937 года в Валенсии, однако участники настояли на переезде в Мадрид. В его окрестностях шли бои между республиканскими войсками и франкистскими мятежниками, которых поддерживали итальянские и немецкие фашисты. Это вынудило участников перенести заседания в бомбоубежище, а затем вернуться в Валенсию. Но несмотря на экстремальную ситуацию, которая, казалось бы, должна была сплотить писателей-антифашистов из разных стран,⁴⁰ советская делегация вольно или невольно стремилась превратить международное заседание в своего рода съезд советских писателей. В частности, в качестве центральных вопросов выдвигались: обличение военных, расстрелянных по делу М. Тухачевского, или же осуждение книги Жида «Возвращение из СССР», только что вышедшей на французском языке. Нелишне заметить, что большинство хулителей этой книги прочесть ее еще не могли.

Более или менее объединяющим фактором послужил протест против расстрела Гарсия Лорки, инициированный испанской стороной. Лорка не вызывал отторжения и у представителей СССР, хотя его образ как пламенного революционера являлся более созданием советской мифологии, нежели базировался на фактах его действительной биографии.

Несмотря на международные мероприятия, организованные с участием советской стороны и призванные сблизить писателей разных стран с целью защиты культуры и противостояния фашизму, идеологические препоны препятствовали как искреннему общению, так и творческому сотрудничеству. Проблема общения советских и зару-

из разного типа тканей!) костюмы. В общении с западными писателями Кольцов неизменно подчеркивал заботу партии и правительства о советских писателях, которые, в отличие от большинства их зарубежных собратьев, не должны отвлекаться от творчества необходимостью зарабатывать себе на жизнь иным трудом. В 1937 году он докладывал о проведении конгресса лично Сталину. По всей видимости, вождю не понравилась излишняя активность такого организатора: в декабре 1938 года Кольцов был арестован и позднее казнен. Судьба Кольцова стала неожиданным ударом для многих советских писателей: его заслуги перед революцией и преданность Сталину не вызывали сомнений. Ведь в том же 1938 году Кольцов стал депутатом Верховного Совета, а Академия наук избрала его своим членом-корреспондентом, несмотря на отсутствие высшего образования. Не выдержав пыток, Кольцов признался в шпионаже в пользу Англии, оговорив при этом других писателей, в том числе и Фадеева.

⁴⁰ Символично и то обстоятельство, что буквально через десять дней после открытия антифашистского конгресса писателей — 15 июля 1937 года — в Германии был открыт концентрационный лагерь Бухенвальд.

бежных писателей не могла быть решена только организацией международных конгрессов, однако контакты с зарубежными писателями в поиске сочувствующих и «попутчиков», издание (выборочно) их произведений оставались важной составляющей «культурного проекта» тридцатых годов. Она рассматривалась в качестве пропаганды советского строя, его достижений и демонстрации признания западными писателями и деятелями культуры.

Для этой цели еще в 1925 году было создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). К началу 1930-х годов уже полностью сформировалась его структура; наиболее активная деятельность ВОКС относится именно к этому десятилетию, особенно ко времени, когда им руководил А. Я. Аросев (1935–1937). Следуя решениям X Пленума Коминтерна, ВОКС сосредоточился на борьбе против социал-демократических сил в странах своего предполагаемого влияния, а также на дискредитации политических фракций в правительствах, стоящих во главе капиталистических государств. Общество занималось «экспортом» за рубеж советской художественной литературы, организацией международных фестивалей и книжных выставок. На все эти мероприятия государство выделяло огромные представительские средства.

В 1937 году эта деятельность была прервана типичным для эпохи событием: арестом и последующим расстрелом председателя ВОКС Аросева. Исполняющим обязанности председателя Общества был назначен В. Ф. Смирнов (1937–1940), однако к 1939 году оно практически перестало функционировать, возобновило свою деятельность уже в военное время.

Очень существенной для понимания механизмов функционирования взаимосвязей культур в 1930-е годы являлась роль *института перевода*, включавшего в себя деятельность издательств, цензуры, личные контакты иностранных авторов с советской Россией, но в первую очередь работу самих переводчиков. Если начиная с 1920-х годов перевод стал, по известному определению Е. Эткинда, своеобразной «нишей», в которой могли скрываться и работать идеологически неудобные авторы, то 1930-е годы характеризовались как появлением множества блестящих переводных изданий, до сих пор являющихся образцовыми, классическими, так и преследованием, физическим уничтожением переводчиков, вычеркиванием многих имен (В. Рахманов, Б. Лифшиц, Б. Ярхо, А. Пиотровский и др.).

На рубеже 1920–1930-х годов власти начали работу по организации единого союза переводчиков, который давал бы возможность взять под контроль их деятельность. Попытка объединить отдельных переводчиков

и их мелкие союзы под эгидой ФОСП (Федерации объединений советских переводчиков) не сразу увенчалась успехом. С одной стороны, совещание переводчиков, состоявшееся в апреле 1929 года в Москве, признало «неудовлетворительным» состояние дел по изданию иностранной литературы и выразило желание упрочить свое положение и получить «профессиональные права». Вместе с тем переход под контроль ФОСП предполагал не только жесткую перерегистрацию членов Федерации с учетом их социального происхождения, особенностей деятельности и биографии, но и обязанность взять на себя пропагандистские функции: закрепление роли пролетарской литературы, борьбу с враждебными тенденциями, овладение марксистским и диалектико-материалистическим методом. Другой возможностью стал переход в секцию переводчиков при Союзе советских писателей, также не предполагавший особых послаблений.

Подобное давление сверху обусловило демарш ленинградских переводчиков, вызвавший «чистку», проведенную в конце 1930-го — начале 1931 года и завершившуюся разгромом протестовавшего объединения, которое было вынуждено декларировать свою подчиненность ФОСП.

Вся переводческая деятельность делилась на художественную, техническую, научную и «драматическую», т. е. обеспечивавшую переводы для театральных постановок. Особой обязанностью становились определенного рода контакты с иностранцами: «техническая работа» по выявлению возможных сторонников и «попутчиков», перевод и «экспорт за границу» советской литературы, а также произведений национальных литератур народов СССР.

С декабря 1931 года в Ленинграде утвердились студии перевода с четырьмя подразделениями: французское (руководитель А. А. Смирнов), английское (Д. М. Горфинкель), немецкое (И. Б. Мандельштам), театральное (В. Ф. Боцяновский, ассистент А. Д. Радлова). Однако в апреле 1932 года вышло постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», и последние поступили в ведение оргкомитета по подготовке Первого съезда советских писателей 1934 года.⁴¹

Переводчикам 1930-х годов, как и советским писателям, рекомендовалось убирать из текстов «вредные» идеи и акцентировать «полезные»,

⁴¹ Подробнее об организациях советских переводчиков см.: Кукушкина Т. А. К истории секции ленинградских переводчиков (1924–1932) // Институты культуры Ленинграда на переломе 1920-х к 1930-м годам: Материалы проекта (2011). <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10460>

т. е. коммунистические. Иногда это связывалось с необходимостью «адаптации» иностранных текстов для советского читателя. Это обстоятельство нашло любопытное отражение в статье «Перевод. 1. Теория литературного перевода» А. А. Смирнова, помещенной в восьмом томе «Литературной энциклопедии», вышедшем в 1934 году. «Литературный (художественный) перевод представляет собой проблему, далеко выходящую за пределы чистой литературно-лингвистической техники, поскольку каждый перевод есть в той или иной мере идеологическое освоение подлинника, — писал автор и продолжал, — таким же средством освоения другой классовой культуры, как и выбор переводимого произведения, является самый метод перевода. Метод этот в условиях классовой культуры, как общее правило, в той или иной степени не точен, поскольку переводчик неизбежно, будь то нарочито или „невольнo“, следуя своей классовой идеологии, подчеркивает и усиливает одни элементы, ослабляя или даже совсем уничтожая другие».⁴² Характерно, что в качестве примеров таких «переводов-переделок» и даже «фальсификаций» Смирнов приводит переводы «Дон-Кихота» во Франции XVIII века и усеченный французский вариант «Поднятой целины» Шолохова (1933), в котором повествование обрывается «на картине временных неполадок в колхозе».⁴³ О возможной классовой или идеологической «неадекватности» советских переводов не упоминается, однако эта мысль прочитывается между строк. Заканчивается статья «надлежащим» образом: «Намеченный и разработанный в эпоху расцвета капитализма метод адекватного перевода может найти свое последовательное применение лишь в условиях социалистической культуры с ее подлинно научным подходом ко всем проблемам, в том числе и переводу».⁴⁴

К выработке системы «принципов художественного перевода» уже в 1919 году обратилось издательство «Всемирная литература».⁴⁵

⁴² [Смирнов А. А.]. Перевод. 1. Теория литературного перевода // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1934. Т. 8. Стлб. 512–514.

⁴³ Там же. Стлб. 514.

⁴⁴ Там же. Стлб. 515.

⁴⁵ См.: Принципы художественного перевода. Статьи К. Чуковского и Н. Гумилева. Пб.: Изд-во Всемирная литература. 1919. Задачей издательства «Всемирная литература», состоявшего при Народном Комиссариате по просвещению, объявлялось: «дать в переводе на русский язык наиболее выдающиеся произведения мировой художественной литературы, начиная с конца XVIII века до наших дней». В издании иностранной литературы были запланированы две серии: Основная — произведения мировой литературы, которые могли бы составить библиотеку мировой литературы и служить не только для чтения, но и для изучения, и Народная серия (около 2500 томов малого объема)

Организатором и вдохновителем этого проекта был Горький, который сам практически не занимался переводом, однако считал издания произведений иностранной литературы важнейшим фактором знакомства русского народа с народами Европы и Азии, с которыми предстоит совместная работа по утверждению новых форм социального бытия. Горький особенно подчеркивал необходимость знания переводчиком не только творчества переводимого автора в целом, но и истории его страны и национальной литературы.⁴⁶

Своего рода первым манифестом, в значительной мере отражавшим то понимание сущности перевода, которое сохранилось на протяжении многих десятилетий, стала книга Чуковского «Искусство перевода». Под этим названием она переиздавалась в 1930-м и 1936 году, а затем под новым заглавием «Высокое искусство» печаталась в сороковые, шестидесятые и даже в восьмидесятые годы.

Издание 1941 года, также озаглавленное «Высокое искусство», в известной мере, можно считать «квинтэссенцией» тех принципов, которые декларировались в 1930-е годы.⁴⁷ По замечанию автора, основа этой книги создана в 1919 году, теперь же ставится задача «дать новичкам-переводчикам нечто вроде азбуки их ремесла» (с. 6). По всей видимости, к началу 1940-х годов переводчики старой школы по разным причинам начинали постепенно выбывать из строя, и стала ощущаться необходимость в профессиональной и идейной подготовке нового поколения.

Чуковский особо подчеркивал нежелательность «неточной точности» (буквализма) и выдвигал требование художественной точности — достижения безупречно «русского звучания» при сохранении национальных и прочих особенностей подлинника. При этом текст — материал, а переводчик — художник, «соучастник творческой рабо-

из книг, «доступных для понимания самых широких масс русской демократии», представленная как «могучее средство культурного воздействия и международного единения» с целью «познакомить читателя с наиболее интересными особенностями исторических судеб, культуры, быта и психики европейских наций, а главное — с теми сокровищами веками накопленных знаний, которые, являясь достоянием всего человечества, служат надежным залогом братства всех людей — залогом грядущего Интернационала».

⁴⁶ Подробнее см.: *Левин Ю. Д.* Об исторической эволюции принципов перевода (К истории переводческой мысли в России) // *Международные связи русской литературы.* Сб. статей / Под ред. акад. М. П. Алексеева. М.; Л., 1963. С. 61–63.

⁴⁷ *Чуковский К.* Высокое искусство. М.: Художественная литература, 1941. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

ты автора», к «слиянию» с волей которого следует стремиться. Выбор переводимого автора должен производиться «согласно своему темпераменту и дарованию» (с. 7). Чуковский подчеркивал необходимость чтения словарей русского языка, произведений русских классиков. Главным в переводе он считал «текстуальную точность: ритм и стиль, а также верность смыслу» (с. 21).

Вместе с тем Чуковский не мог обойтись без предисловия, в котором отразилась специфика 1930-х годов, ибо «победа ленинско-сталинской национальной политики положила начало подлинной дружбе народов СССР». «Вопросы методики художественного перевода, которые в прежнее время были достоянием очень узкого круга писателей и специалистов-филологов, — писал он, — ныне сделались делом величайшей государственной важности, в котором заинтересованы миллионы людей». Далее излагались важнейшие особенности перевода и требования к нему в 1930-е годы: «Вырабатывается и утверждается в нашей литературе советский стиль перевода, научно-художественный, — стиль, который отменяет от себя дилетантщину, кустарничество, слепую вдохновенность и прочие принадлежности вчерашнего литературного дня. Искусство перевода становится наукой, оставаясь в то же время искусством» (с. 5).⁴⁸

«Никаких *преднамеренных* отклонений от переводимого текста наша эпоха не допустит уже потому, что ее отношение к литературам всех стран и народов раньше всего познавательное» (с. 34). Эпоха требует и отрицания «переводчика-индивидуалиста» (с. 56), который не может достичь объективности: «Научное проникновение

⁴⁸ Это положение дискутируется и в современной науке. Так, Е. А. Первушина пишет: «Литературоведческая позиция переводоведения формировалась в условиях внутренних споров между сторонниками „учено-академического“ направления, развивавшими идеи „буквального“ («точного», «технологически точного», «формального») перевода, называемого наукой, и их противниками, верными пушкинской позиции перевода „духа, а не буквы“ оригинала, утверждавшими принципы „верного“ («полноценного», или «адекватного») перевода, провозглашаемого „высоким искусством“. Известно и то, что ни одна из спорящих сторон не дала достаточно удовлетворительного научного толкования проблемы адекватности художественного перевода. В результате у некоторых исследователей даже сложилось впечатление беспомощности литературоведческих исследований перевода» (Первушина Е. А. Художественный перевод как проблема сравнительного литературоведения // *Rosa Mundi*. К 90-летию преподавания истории зарубежных литератур в ДВГУ. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. С. 174–181; цит. по: http://lemoi-www.dvfu.ru/unir/1_09.pdf; http://zhurnal.lib.ru/w/wagapow_a_s/pervushdoc.shtml).

в подлинник есть верный залог объективно точной репродукции всех смысловых и стилистических особенностей этого подлинника, при том, конечно, непрременном условии, если у переводчика есть тяготение к такой объективности. А у советского переводчика оно есть в высочайшей степени. Без этого тяготения никакая ученость не может помешать переводчику сделать при желании текст перевода отражением своей собственной психики, своего собственного вкуса и стиля. <...> Но подавить свое Эго не так-то легко. Этому нужно учиться. Здесь нужна большая тренировка. Здесь самой высокой добродетелью является дисциплина ограничения своей творческой личности» (с. 57–58).

Нельзя не заметить, что требование к переводчику, ставящее во главу угла «подавление своего „я”», а также «научную истину, документальность, точность, достоверность, реальность» (с. 195), как будто противоречит общему идеологическому ориентиру, предложенному советскому писателю в 1930-е годы: усиление «страстного» авторского начала, возможность «творческого» (= произвольного) обращения с документальным материалом. Но несмотря на то, что для адекватного перевода в любом случае нежелательно вмешательство личности переводчика, эти два идеологических предписания преследовали одну и ту же цель. Ведь под «страстностью» автора подразумевалась его *личная* политическая ангажированность, внутренняя самоцензура и воинствующая идеология.

В случае же с переводчиком существовало опасение, что в переводе под чужим именем незаметно будет проводиться и другая «ангажированность»: антисоветские настроения, как это действительно случилось позднее, например, в переводе Пастернаком «Фауста» Гете, во второй части которого сцены стройки, руководимой слепым Фаустом, ассоциировались внимательным читателем с Беломорканалом.

Это подтверждают и следующие замечания Чуковского: «Всякий новый перевод <...> представлял собою новое искажение подлинника, обусловленное вкусами того социального слоя, к которому принадлежит переводчик» (с. 191); в советской литературе слагается «массовый, не индивидуальный стиль» (с. 220); «Переводческая точность — понятие весьма неустойчивое <...> в каждую данную эпоху оно измеряется совершенно иными критериями» (с. 232).

Несомненное внимание властей к идеологическим «критериям» переводной литературы было обосновано. С одной стороны, действительно, каждое поколение требовало своего перевода *как перевода времени, эпохи*. Но с другой — перевод подразумевал не только поиск русского литературного эквивалента, но и неизбежно привно-

сил в культурное пространство СССР частицы других культур, постепенно и порой незаметно для цензуры изменяя его. В современном восприятии сама культура выступает как перевод в самом широком смысле.⁴⁹

Несмотря на ужесточение идеологических требований к переводчику, 1930-е годы оказались достаточно плодотворными и в отношении переводов на русский язык шедевров мировой литературы, которыми зачастую вынужденно занимались не только лучшие переводчики, но и самые талантливые поэты и прозаики. В 1934 году Б. Лившиц выпустил антологию переводов европейской поэзии «От романтиков до сюрреалистов». В 1933–1938 годах М. Лозинский работал над переводами «Ада» Данте и шекспировского «Гамлета». В эти же годы Ю. Тынянов переводил Гейне, С. Маршак — Бернса. Мандельштам занимался сонетами Петрарки (конец 1933 — начало 1934 года), а Пастернак вновь обратился к Клейсту — в 1936 году журнал «Знамя» напечатал перевод «Принца Гомбургского». В середине 1930-х годов Булгаков переводил комедию Мольера «Скупой», а в конце десятилетия писал либретто для оперы «Рашель» по мотивам рассказа Мопассана «Мадемуазель Фифи» и оперы «Дон-Кихот», которая при жизни писателя не ставилась.

⁴⁹ Ср.: Kultur und/als Übersetzung. Russisch-deutsche Beziehungen im 20. und 21. Jahrhundert / Hg. von Ch. Engel, B. Menzel. Berlin, 2011. Здесь перевод рассматривается не только в качестве средства интеллектуальной коммуникации, но и как действие и система действий. Вообще проблемы философии перевода именно в 1930-е годы привлекали внимание многих ученых из разных стран. Среди них наиболее известен В. Беньямин, автор исследования «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1936), который уже в более ранней статье «Задача переводчика» вообще сомневался в способности перевода передать что-либо кроме «несущественного сообщения», т. е. некой формы. Сама возможность переводимости ставилась им под сомнение. В современном гуманитарном знании проблема перевода, возникшая «на перекрестке разных дисциплин», стала одной из самых актуальных: «Перевод понимается здесь не только в собственном, или узком, смысле слова (как переложение текста, написанного на одном языке на другой язык), но также в более широком познавательном и философском смысле». Более того, идея Ю. М. Лотмана о «продуктивной непереводимости» (или, точнее, усложненной переводимости) обозначает «продуктивный механизм культуры, который, затрудняя человеческое общение, делает его в конечном счете более насыщенным и более интенсивным, приводит к порождению новых культурных смыслов» (Автономова Н. Проблема перевода в свете идеи продуктивной непереводимости (по страницам работ Ю. М. Лотмана) // Пограничные феномены культуры. Перевод. Диалог. Семиосфера. Таллинн, 2011. С. 19, 29).

Одним из наиболее активных и талантливых переводчиков был М. Кузмин, который в 1930-е годы практически не имел других возможностей творческого самовыражения. В самом начале 1930-х годов (1931–1933) издательство «Academia» трижды переиздало его ставший классическим перевод «Золотого осла» Апулея. К концу 1920-х — первой половине 1930-х годов Кузмин перевел восемь пьес Шекспира и более ста сонетов. Рукописные переводы сонетов считаются утраченными.⁵⁰ При жизни поэта вышел перевод «Трагедии о короле Лире» (1934).

Отношение самих поэтов к вынужденной переводческой деятельности было различным. Если Пастернак находил ее столь же захватывающей, как оригинальное творчество (переводы Пастернака, как правило, и становились фактами русской поэзии), то Ахматова считала, что перевод — «дело гибельное», ведущее только к потере творческой энергии.⁵¹

Особое место занимали переводы с языков народов СССР. Вообще национальный вопрос в литературе соцреализма, на словах провозгласившего интернационализм и, соответственно, утопическую идею интернациональной литературы, играл довольно заметную роль. В отличие от 1920-х годов, когда патриотизм в Советской России приравнивался чуть ли не к шовинизму, на рубеже десятилетий ВОАПП провел пленум на тему «Пролетарская литература и национальный вопрос», а 6 мая 1934 года вышло постановление ЦК партии и Совнаркома «О преподавании гражданской истории в школах СССР», которое ознаменовало переворот в восприятии русской национальной истории. По замечанию Е. Замятина, в России «вдруг вспомнили, что страна имеет свою историю и что история эта гораздо старше семнадцатилетней социалистической республики».⁵² В 1934 году жур-

⁵⁰ Подробнее о переводах М. Кузмина см.: *Багно В. Е., Сухарев С. Л.* Михаил Кузмин — переводчик // XX век. Двадцатые годы. Из истории международных связей русской литературы / Отв. ред. Г. А. Тиме. СПб.: Наука, 2006. С. 147–183.

⁵¹ См.: *Багно В. Е., Казанский Н. Н.* Переводческая ниша в советскую эпоху и феномен стихотворного перевода в XX веке // *Res traductoria*. Перевод и сравнительное изучение литератур. СПб.: Наука, 2000. С. 55. Однако именно Ахматова оставалась одним из самых активных переводчиков: она переводила по подстрочникам произведения 150 поэтов с 78 языков. С 1923 по 1934 год других возможностей печататься у нее практически не было.

⁵² Цит. по: *Николаев Д. Д.* Литература как пропаганда // *История русской литературы в XX веке. 1920–1930-е годы в поисках новой идеологии*. М.: ИМЛИ, 2010. С. 563.

нал «Октябрь» инициировал дискуссию «Социалистический реализм и исторический роман», в ходе которой констатировалось огромное значение исторических романов, «призванных сыграть свою роль в деле социалистического воспитания масс реалистическим, правдивым показом прошлого».⁵³ С этим было связано и стремление властей в какой-то мере «оправдать» преобразования, происходившие в стране, устоявшимися традициями в истории России.

И действительно те стереотипы, на которые ориентировался социалистический канон, формировавшийся в начале 1930-х годов,⁵⁴ по верному замечанию современного исследователя, в известной мере соответствуют «сознательному или стихийному стремлению вернуть развитие страны в русло русской традиции».⁵⁵ Ученый опирается при этом на теорию архетипов К. Г. Юнга, которая связывает психику каждого человека с коллективным бессознательным.

На самом деле в литературе социалистического реализма в том или ином виде присутствуют мифологические архетипы: *героя, мудрого отца, матери и врага*. Первый выступает как герой труда, герой-воин и герой-жертва. Герой труда борется в советских романах против врага («вредителя»); нестигаемый воин, даже став жертвой, никогда не сдается. Здесь характерны ставшие классикой жанра произведения Ф. Gladкова «Цемент» (1925; 2-я, доп. ред. 1930), «Энергия» (1933; о строительстве Днепрогэса); А. Макаренко «Педагогическая поэма» (1933–1936), «Флаги на башнях» (1938); Н. Островского «Как закалялась сталь» (1932–1934).

Роль мудрого отца принадлежала, разумеется, Сталину, архетип матери, наиболее важный для русского мифологического сознания

⁵³ Октябрь. 1934. № 7. С. 188.

⁵⁴ В 1934 году, еще до начала Первого съезда писателей, дискуссия о самом понятии «социалистического реализма» была инициирована Горьким в его статьях: «По поводу одной дискуссии» – в «Литературной газете» (№ 9. 24 янв.) и «О литературных забавах» – напечатана одновременно 14 июня в «Литературной газете» (№ 75), «Правде» (№ 162), «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 137) и «Литературном Ленинграде» (№ 27). По большому счету дискуссия не достигла успехов. Единственное, что оставалось несомненным, это служение реалистической литературы делу воспитания читателей в духе верности идеям марксизма-ленинизма и социализма. Следует заметить, что над «манифестом социалистического реализма» были готовы работать и вовсе не ангажированные Советами писатели. Например, интерес к нему в 1934 году выражал создатель манифестов символизма А. Белый, который, разумеется, не получил допуска к такой деятельности.

⁵⁵ Гюнтер Х. Литература в контексте архетипов советской культуры // История русской литературы в XX веке. С. 222.

(«мать сыра земля», Богородица), выступал как советская Родина-мать или просто Страна Советов. В любом случае наличие архетипов отца и матери характеризовало народ как «подростка», нуждающегося в опеке. При этом важно, что «увековечение архетипа молодого героя препятствует взрослению „сыновей” и всех, кто идентифицирует себя с ними, а право на зрелость остается исключительно за мудрым „отцом”»⁵⁶ — к тому же «отцом народов», среди которых «старшим сыном» (или же «братом») провозглашался русский народ.

Таким образом, переводы с языков народов СССР занимали особое место не случайно. С одной стороны, они были связаны с национальными идеологическими архетипами, с другой — к ним проявлялось больше доверия, ибо, по Чуковскому, советский переводчик стремится к адекватности не потому, что верит в равенство культур и языков, но «верит в равенство их исторических судеб в стране социализма и относится с горячим пиететом к братским народам...» (с. 204). К тому же главным и первым языком, *на который* переводились национальные литературы, был русский.

Национальная основа переводной литературы в целом определяется историей языка и культурным самосознанием. В тридцатые годы это обстоятельство нашло неоднозначное и порой странное выражение. Переводы «классической» литературы, связанные с традицией XIX века, которую продолжили и развивали переводчики старой школы, выступали в качестве «хранителей» языка. Вместе с тем литераторы, следовавшие соцреализму, создавали новый литературный язык, странным образом очищаемый от «простонародных» элементов. Это была своего рода «чистка» литературного языка в целях достижения его нейтральности и усредненности. Дискуссии о языке инициировались сверху и завершились только с появлением труда Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950), где парадоксальным образом утверждался приоритет «надстройки» относительно базиса, на который она не только оказывала «диалектическое» воздействие, но и становилась «орудием борьбы и развития общества».⁵⁷ Это несомненно свидетельствовало о понимании властями важнейшего идеологического значения переводной литературы в построении социализма.

Поездки писателей не только за границу (возможность которых постепенно сужалась), но именно — в союзные республики и переводы с национальных языков СССР можно считать одним из наиболее

⁵⁶ Там же. С. 198.

⁵⁷ Подробнее см.: *Коренева М. Ю.* История русской переводной литературы сквозь призму литературного языка // *Res traductorica*. С. 33–34.

эффективных компонентов «культурного проекта» тридцатых годов. С одной стороны, переводческая деятельность соответствовала одному из важных постулатов социалистического реализма, подменявшего географическое пространство идеологическим, которое следовало отвоевывать. «Работаю с неслыханной охотой / Я только потому над переводами, / Что переводы кажутся пехотой, / Взрывающей валы между народами», — писал Б. Слуцкий.⁵⁸

С другой стороны, переводческая деятельность в некоторой мере способствовала единению писательского сообщества. Ведь в качестве переводчиков, и особенно с языков народов СССР, выступали и те из них, кто мог без особых проблем печатать собственные произведения: например, П. Антокольский, Н. Асеев, Б. Слуцкий, Вс. Рождественский, ощущавший в переводческой работе «отдохновенную радость», и многие другие. Так, в 1935 году сначала в Тифлисе, а затем в Москве был напечатан сборник «Поэты Грузии в переводах Б. Пастернака и Н. Тихонова»⁵⁹.

Деятельность по организации групп писателей, путешествовавших по СССР, способствовала появлению путевых очерков⁶⁰ и переводов на русский язык произведений лучших авторов национальных союзных республик. Особенно популярны были поездки в Армению, Грузию, республики Средней Азии, а также на места «великих строек»: Днепрострой, Турксиб, Беломорканал⁶¹ и др. Вместе с тем

⁵⁸ *Слуцкий Б.* Сегодня и вчера: Книга стихов. М.: Молодая гвардия, 1963. С. 49.

⁵⁹ Следует заметить, что в жизни и творчестве Пастернака Грузии было суждено сыграть особую роль. Изменения, произошедшие в личной жизни, послужили причиной того, что в начале 1930-х годов поэт жил в Грузии, много общался с грузинскими поэтами (Т. Табидзе, П. Яшвили Н. Мицишвили и др.), выпустил несколько сборников переводов с грузинского: «Змееед» В. Пшавела (1934), «Грузинские лирики» (1935). Вместе с тем в начале 1934 года Пастернак опубликовал хвалебные стихи Н. Мицишвили в «Новом мире» (№ 3. С. 12) и П. Яшвили в «Красной нови» (№ 6. С. 3), посвященные Сталину.

⁶⁰ Случалось, что впечатления от подобных путешествий ложились в основу не только путевых очерков, но и значительных литературных произведений, таких как «Джан», «Такыр» и «Мусорный ветер» (1934–1935) Платонова.

⁶¹ Посещение сто двадцатью специально отобранными писателями при анонимном сопровождении агентов НКВД Беломорканала, где, по версии правительства, «перевоспитывались» в социалистическом духе инакомыслящие граждане, стало самой одиозной из таких групповых поездок. Как известно, результатом этого путешествия, прошедшего на теплоходе в шикарнейших условиях, явилось грандиозное издание очерков «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина» (1934), отличавшееся помпезностью и откровенной

компетентные органы, поддерживающие подобные, особенно групповые писательские поездки, с большим вниманием следили за идеологической «правильностью» их творческой отдачи.

Авторам путевых очерков давались определенные наказания. В путевом очерке тоже обозначился водораздел, который, как в силу менявшейся действительности, так и по причине особых предписаний властей, явно существовал между советской публицистикой 1920-х и 1930-х годов.

В 1936 году в журнале «Новый мир» появилась программная статья В. Канторовича «Проблема художественного очерка», в которой содержался призыв к авторам очерков более следовать литературной, нежели публицистической традиции. В основном это касалось журналистов, путешествующих преимущественно по стране Советов, однако, несомненно, должно было служить ориентиром и для литераторов, пишущих свои репортажи за границей. В частности, Канторович писал: «На протяжении последних лет советский художественный очерк претерпел заметную эволюцию. В годы первой пятилетки очерк откровенно выполнял функции „литглаза“. Он как бы вооружал читателя телевизорным аппаратом: показывал короткометражные видовые и культурно-познавательные литфильмы. <...> Очерк сыграл не малую роль в черновом (если можно так выразиться) познании страны <...>, он был первым помощником пропагандиста». ⁶² Далее автор указывал на необходимость «смены героев»: вместо машин и строек на страницах очерков должен был появиться человек — «строитель», «организатор». ⁶³ Канторович призывал к сближению очерка с «малой формой» литературы, а это предполагало не только усиление «страстного» авторского начала, но и художественный вымысел, связанный с перестановкой фактов, «сдвигами во времени, в пространстве, введение вымышленного персонажа». Вместе с тем он особо подчеркивал: «Чтобы видеть мир в правильном для каждого этапа аспекте, очеркист должен понимать всю глубину тех стержневых политических лозунгов, которыми живет страна, которые воплощают в себе поступательное движение революции». ⁶⁴

ложью. Руководителями этого мероприятия и главными редакторами книги стали Горький, С. Фирин и Л. Авербах. Двое последних вскоре были уничтожены. Книга переиздавалась несколько раз огромными тиражами, однако сегодня ее можно найти далеко не в каждой даже значительной библиотеке.

⁶² Канторович Вл. Проблема художественного очерка // Новый мир. 1936. № 3. С.197.

⁶³ Там же. С. 197.

⁶⁴ Там же. С. 200.

Так пожелание большей художественности и «человечности» по отношению к публицистике, по сути дела, оборачивалось требованием более художественно изощренной и психологически выверенной политической пропаганды и агитации в форме художественного очерка. Обращает на себя внимание и новое отношение к автору: ему отныне вменялось быть не сторонним наблюдателем, а «страстным» участником происходящего (то есть однозначно демонстрировать свою идеологическую позицию). Но с другой стороны, нельзя не заметить, что декларируемая идеологическая «художественность» объективно подразумевала не столько действительно художественное *качество* произведения, сколько право автора на вымысел, могущий, по необходимости, фальсифицировать факты, события и таким образом «править» любой, в том числе и подлежащий переводу текст.

Писатели, которые имели возможность более или менее регулярно выезжать за границу, также должны были иметь в виду не столько географические и национальные особенности посещаемых стран, что было важно в путевых очерках дореволюционного и раннего послереволюционного времени, сколько идеологический посыл и классовую борьбу. Путевой очерк постепенно освобождался от примет путевого очерка, становясь репортажем с поля идеологических сражений, что нашло буквальное выражение в связи с началом гражданской войны в Испании. Наибольшую известность получили «испанские репортажи» Кольцова, Л. Никулина, Эренбурга и др.

Вместе с тем Эренбург, писавший как репортажи, так и лирические путевые заметки (ср., например, очерки, составившие книгу «Мой Париж» (1933)), подвергся критике за излишнее внимание к национальной теме в описании путешествий. Действительно, она была важна автору более для понимания происходящего в Европе, нежели для противопоставления ей советского (читай: интернационального) единства народов.

Ф. Раскольников писал о книге очерков Эренбурга «Виза времени» (1931): «Основной недостаток книги заключается в стремлении Эренбурга разгадать метафизическую „душу“ каждой нации вместо изучения своеобразных экономических условий, определяющих нравы, обычаи, политический строй, философию и культуру данной страны. Эренбург придерживается устарелой теории национальных характеров. <...> Эренбург проглядел такую „мелочь“, как классовую борьбу...»⁶⁵

⁶⁵ Эренбург И. Виза времени. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. С. 5–6. Предисловие Раскольниковского повторено и во втором, дополненном издании 1933 года.

В связи с особенностями путевого очерка 1930-х годов следует коротко остановиться на вопросе русского и советского модернизма или модерна, «модерности» этого времени (русский термин до сих пор еще не может считаться вполне устоявшимся). Представители русского модернизма в основном оказались в эмиграции, и в этом случае большинство из них *переживали* новую реальность в качестве «остановившегося» исторического момента, трагедию не столько литературной, сколько личной биографии. В то время как «классический» модернизм фиксировал новую реальность в ее беспредметности, развале формы и основ идентичности. Оказавшись в «фокусе двойного отчуждения» (модернизма и потери родины), сами изгнанники, их собственное бытие действительно становились для них «подвернувшейся под руку темой». ⁶⁶

Однако в целом впечатления русских в Европе, полученные в 1920-е и даже в 1930-е годы, были обусловлены не только актуальными политическими, социальными, цензурными и другими подобными обстоятельствами. Даже *собственно литературная* традиция не играла здесь решающей роли, хотя тот же Эренбург считал экспрессионистские тенденции западной живописи и литературы своего рода «истерикой» мира модернизма, но особенное значение приобретала *российская ментальность* в качестве весьма устойчивого, хотя специфического и несколько условного феномена. ⁶⁷

Литература советского периода также была отмечена проявлениями «модерности». Но если западный («классический») модернизм исключает зависимость от внешнего мира и стремится к максимально «чистому» художественному жесту, то и советский модернизм также может быть воспринят в качестве по-своему «чистого», но только *идеологического* жеста, отрицающего художественность как форму.

⁶⁶ См. об этом: *Heidemann G.* Das schreibende Ich in der Fremde. Il'ja Erenburgs und Wladimir Nabokovs Berliner Prosa der 1920er Jahre. Bielefeld, 2005. S. 9.

⁶⁷ Под *ментальностью* (*mens* (лат.) — образ мыслей, душевный склад) подразумевается «глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир определенным образом» (*Визгин П. В.* Ментальность // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 525). По Визгину, именно в 1920–1930-е годы остро встает вопрос о соотношении коллективной и индивидуальной ментальности: «Природное и культурное, рациональное и эмоциональное, индивидуальное и общественное — все эти оппозиции „перекрываются“ на уровне ментальности, растворяясь в ее структурах» (Там же).

Канон соцреализма особый: он является своего рода идеальным идеологическим посылом, который, как ни парадоксально это может прозвучать, на самом деле существует словно независимо от часто противоречащего ему окружающего мира. В отличие от западного, советский модернизм словно оказывается свободным от эстетической диктатуры, подчиняясь якобы внутреннему («народ и партия едины»), но на самом деле отвлеченному диктату. Это косвенно подтверждается и тем, что уже в 1930-е годы советская критика резко противопоставляла содержание (идеологию) и форму (художественность) произведения, называя *формализмом* не только любые искания новых форм вне рамок социалистического реализма, но и *ощутимость* в произведении формы как таковой.

Борис Гройс обозначает соцреалистический модернизм как «полуторный стиль» между модернизмом и постмодернизмом. В нем на смену противопоставлению высокое — низкое, пришла антитеза советское — несоветское.

В основе литературы путешествий «западного» и советского «модернизмов» лежат разные хронотопы: в первом случае — постижение и сближение «своего» и «чужого» пространства; во втором — «принцип отчуждения».⁶⁸ Вместе с тем даже советский путешественник, перемещаясь по своей стране, вступал в борьбу с пространством в стремлении «советизировать» его. Это в корне меняло концепт границы, превращая ее во «фронтир» — некий постоянно перемещающийся фронтовой рубеж.

Что же касается советских путешественников с несоветскими взглядами, то они, как правило, сохраняли привычное с дореволюционных времен стремление к постижению национального другого и к сближению «своего» и «чужого» пространства. Однако, пережив вынужденную отчужденность от обоих (от «своего» и «чужого»), они невольно оказывались в модернистском пространстве «внеаходимости». Русские путешественники в эмиграции, напротив, ощущали «вездесущность» прежней, ныне покинутой и по сути дела уже не существующей России.⁶⁹ Такая Россия словно оставалась и единственным пространством, и целью их путешествий вне зависимости

⁶⁸ См.: *Балина М.* Литература путешествий // Соцреалистический канон. С. 898.

⁶⁹ Ср.: *Колер Гун-Брит.* Вездесущность и глубина. «Путешествие в неизвестный край» Юрия Терапиано в контексте травелогов русской эмиграции // *Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века* / Сост. и отв. ред. В.-С. Киссель, Г. А. Тиме. Пер. с нем. Г. А. Тиме. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 247–270.

от их действительной направленности. Представляется, что именно сопряженность в русских травелогах первой трети XX века таких понятий как «внезаходимость» и «вездесущность» и позволяют обозначить противоречивый феномен модернизма ранней советской эпохи, представители которой были столь разными, на первый взгляд, путешественниками.

Следует добавить, что «стилистические расхождения» с эпохой у писателей советского периода имели специфический характер не только в ставшем привычным переносном смысле, но и в конкретном. Так, Пастернак, представивший в «Охранной грамоте» (1930) свою биографию как путешествие в пространстве и времени, в автобиографическом очерке середины 1950-х годов «Люди и положения» заметил по поводу «Охранной грамоты»: «К сожалению, книга испорчена ненужной манерностью, общим грехом тех лет».⁷⁰

Вместе с тем в произведениях европейски образованных писателей довольно часто сохраняется модернистское восприятие мира и «цитируется» западная литература. Прекрасным образцом такого рода произведения может служить «Путешествие в Армению» Мандельштама, где автор, побывавший в самом начале 1930-х годов на Кавказе, «улавливал в путешествии лишь светоносную дрожь случайностей, растительный орнамент действительности».⁷¹ И это было для поэта самым важным. Ведь именно в это время он изучает итальянский язык, пишет программное поэтологическое эссе «Разговор о Данте» (1933). Конечно, в «Путешествии в Армению» отразились и конкретные факты действительности, люди и события. Может быть поэтому оно было напечатано в 1933 году в журнале «Звезда», однако впоследствии подверглось критике и остракизму.

Тема зарубежной литературы, зарубежья как такового продолжает привлекать и других писателей самой разной направленности. В то время как Булгаков создает «Жизнь господина де Мольера» (1933), произведение, которое увидит свет только в начале 1960-х годов, Б. Пильняк пишет «О'кей. Американский роман» (1931), критикующий «порочность» американской техники на примере заводов Форда. Федин работает над первым советским политическим романом «Похищение Европы» (1933–1935), демонстрирующим кризис западного общества и зарождение в нем фашизма, а Тихонов выпускает поэтический сбор-

⁷⁰ Пастернак Б. Избранное: В 2 кн. М.: Просвещение, 1991. Кн. 2. С. 135.

⁷¹ Мандельштам О. Путешествие в Армению // Мандельштам О. Собр. соч.: В 3 т. Нью-Йорк: Международное Литературное содружество, 1969. Т. 3. 149.

ник «Тень друга» (1936), отражающий его воспоминания о Западной Европе во время поездки на международный конгресс писателей.

В создавшейся ситуации, ставившей перед писателями проблемы творческого и физического выживания, стали нередки проявления упоминавшейся в начале этой статьи раздвоенности творческого сознания. Так, Пастернак, уже замышлявший во второй половине 1930-х годов роман «Доктор Живаго», который окончательно поссорит его с властью, печатает стихи о Сталине; а Булгаков, работавший с 1929-го по 1940 год над романом «Мастер и Маргарита», в 1939 году принимается за пьесу «Батум», посвященную юности вождя.

Однако и такие попытки стать, по выражению Пастернака, «частицей своего времени и государства» далеко не всегда встречали ожидаемую реакцию властей.⁷² По всей видимости, важной составляющей «культурного проекта» было разобшение и писательского сообщества, создание в нем атмосферы подозрительности, страха и недоверия. Ведь наряду с классиками социалистического реализма,⁷³ в советской литературе продолжали успешно работать и писатели, имевшие в прошлом тесные связи с заграницей, учившиеся и долго жившие в Европе, входившие прежде в сомнительные или враждебные, с точки зрения соцреализма, творческие объединения. Здесь можно назвать Федина, Инбер, Вс. Рождественского, Асеева, Тихонова и мн. др. Однако бывшие связи не только с ЛЕФом, РАПП, но и с «Центрифугой», «Серапионовыми братьями» и прочими не мешали получению разного рода наград и даже Сталинских премий. Стремясь к «выравниванию» литературного «поля», власти, а зачастую и сам Сталин, явно присматривались к наиболее видным авторам, проясняя для себя потенциальные возможности личности каждого из них.

Таким образом, в отличие от 1920-х годов, когда литературная работа не была еще полностью унифицирована и обезличена партийными установками, в 1930-е годы «инерция дореволюционного литературного разбега была уже приостановлена, государство с помощью партийной критики произвело необходимые разрушения, и поверхность литературы, официальная и легальная ее часть были

⁷² См. об этом: *Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 7 и след.

⁷³ Социалистический реализм действительно выдвинул своих классиков, признанных таковыми не только в СССР, но и за границей. Показательна судьба романа Гладкова «Цемент», который был переведен на все языки мира, напечатан в 152 странах, а в 1994 году издан на английском языке в серии «Европейская классика» в Иллинойсе (США).

готовы для произрастания нового небывалого в истории человечества искусства». ⁷⁴

Заметная роль принадлежала здесь «толстым» журналам, ориентированным на зарубежную переводную литературу и/или имеющим постоянные разделы для обсуждения соответствующих проблем. Среди них оказались и такие, которым была суждена долгая жизнь: «Интернациональная/Иностранная литература», «Новый мир», «Знамя», «Звезда», «Молодая гвардия».

Коротко обобщая сказанное, заметим, что «культурный проект» тридцатых годов, несмотря на принесенные жертвы и кажущуюся внешнюю противоречивость, в целом, достиг своих целей. Были проведены этатизация и институализация культурного поля, взяты под контроль издательства, творческие союзы и организации, поддерживающие связи с границей. Параллельно проводилась небывалая идеологическая пропаганда, вырабатывались психологические и иные меры воздействия и принуждения. Изменения, происходившие в это десятилетие, были действительно впечатляющими; власть, проводившая их, казалась всемогущей, даже сакральной. Этому способствовала мифологизация образа вождя и его свершений, якобы поддерживаемых усилиями «всего советского народа», а также «прогрессивных людей во всем мире».

В этом смысле именно в 1930-е годы был заложен фундамент для культурного строительства в последующие десятилетия социализма, «ведь социальный и политический контекст (включая войну, революцию и советский опыт) были не просто фоном, а определяющим фактором развития культуры, и начиная с 1930-х и примерно по 1970-е гг. этот контекст был явлен для нее в качестве идеологического императива, блокировавшего самостоятельность культуры куда прямее и грубее „средневековой“ духовной цензуры». ⁷⁵

Таким образом, 1930-е годы можно считать своего рода основой и «матрицей» развития советского общества последующих десятилетий.

⁷⁴ *Сорокина И.* Концепция литературного процесса в советской критике // История русской литературы в XX веке. С. 242.

⁷⁵ *Дмитриев А.* Эстетическая автономия и историческая детерминация: русская гуманитарная теория первой трети XX века в свете проблематики секуляризации // Русская теория. 1920-е — 1930-е годы / Сост. и отв. ред. С. Н. Зенкин. М.: РГГУ, 2004. С. 12–13.

М. Э. МАЛИКОВА

КАК БЫЛО ОРГАНИЗОВАНО ИЗДАНИЕ
СОВРЕМЕННОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ 1920-х—
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х ГОДОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕНИНГРАДСКОГО
КООПЕРАТИВНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВРЕМЯ»)

Сформировавшийся в советское время институт издания переводной литературы, в основном классиков и «прогрессивных» писателей (школа перевода, вызывающая ностальгию высокая эдиционная и полиграфическая культура, гигантские тиражи), был мало соотнесен с реальным читательским спросом, актуальностью автора в мировой культуре, экономикой книгоиздания. Как национальный проект он связан с монополизированной советским государством после 1934 года культурной политикой; в творческом (переводческом) отношении, а также в фундаментальном представлении о литературном каноне и государственной организации культуры восходит к искусственному проекту горьковской «Всемирной литературы»: дать сверху отечественному читателю, разделив его на «народного» и «культурного», канон иностранной литературы. Фундаментальные свойства такого института переводной литературы и определяемого им читательского представления о ней — аисторизм, отказ от актуализации объекта, оперирование (применительно к интересующей нас переводной литературе 1930-х годов) такими недифференцированными и идеологизированными общими категориями, как ‘прогресс’ («прогрессивный писатель», «прогрессивная позиция», «прогрессивный поворот»), ‘перелом’ (в частности, распространение лозунга «великого перелома» 1929 года на описание процессов культуры), ‘диктатура’ (в том числе и в либеральной реакции на советский язык, из него же исходящей), ‘фашистский’, ‘национальный’ и пр.

Однако в промежутке между закрытием «Всемирной литературы» и полной государственной монополизацией переводного книгоиздания, т. е. в годы нэпа, отмеченные большей гетерогенностью и в целом «нормальностью» культурного поля, в советской России выходило огромное количество переводов, главным образом современной беллетристики, — на несколько лет русская литература «как бы уступила свое место „всемирной“». ¹ Этот этап отечественного переводного книгоиздания интересен, в частности, тем, что для его описания никак не подходит способ исследовательского мышления, восходящий к историко-литературной и идеологической доксе, представлению о каноне, «прогрессе», «переломе» и т. д. — необходима более мелкая оптика, увеличивающая картину культурного поля до социо-антропологического уровня, до конкретного, вплоть до года и месяца, контекста, включающего, наравне с культурными, политические и экономические обстоятельства.

Переводную литературу, наиболее востребованную пореволюционным читателем и дешевую в производстве (поскольку она была безгонорарной, так как Советская Россия не вступила в международную Бернскую конвенцию по авторскому праву, и производилась дешевым трудом армии переводчиков, редакторов, авторов внутренних рецензий из среды «деклассированных безработных интеллигентов, знающих иностранные языки» ²), издавали как Государственное издательство, переведенное на хозрасчет, и близкие к власти «Прибой» и «Круг», так и, прежде всего, частно-кооперативные фирмы. Владелец самого мощного частного петроградского издательства «Мысль» Л. В. Вольфсон в мае 1923 года хвалился: «„Мысль“ издает десятки переводных романов, которые быстро раскупаются и дают большую прибыль». ³

Однако история частно-кооперативного этапа в издании русской переводной литературы не сводится к примитивной реакции «частников» на запрос рынка и не заканчивается 1929-м — годом «великого перелома», ⁴ а позволяет увидеть обычно исчезающий из поля зре-

¹ *Эйхенбаум Б. М.* О. Генри и теория новеллы [1925] // Эйхенбаум Б. М. Литература. Теория. Критика. Poleмика. Л.: Прибой, 1927. С. 166.

² *Мандельштам О. Э.* Потоки халтуры [1929] // Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. М.: Терра, 1991. Т. 2. С. 425.

³ ОР РНБ. Ф. 1120 (А. А. Кроленко). № 265. Л. 63.

⁴ Курс власти на уничтожение частных издательств был в основном «разрешен» к году «великого перелома», тогда как некоторые кооперативные фирмы продолжали работать до 1934–1935 годов. Известен случай, когда крупный московский издатель М. В. Сабашников в 1929 году вынужден был

ния момент постепенного, а не «переломного» перехода от культуры нэпа к 1930-м годам, в частности, постепенное изменение критериев отбора иностранной литературы для перевода и способов организации ее издания.

Хаотичная, гетерогенная и в целом более «живая», чем «тотальные» проекты «всемирной», переводная литература нэпа была более чем когда-либо в истории советского книгоиздания ориентирована на синхронизацию с текущим европейским литературным процессом — хотя бы просто потому, что частно-кооперативные издатели и переводчики конкурировали между собой в скорейшем получении книжных новинок из-за границы. Благодаря коммерчески ориентированной деятельности частно-кооперативных издательств отечественный читатель, который на несколько лет был отрезан войной, революцией и военным коммунизмом от внешнего мира, с первой половины 1920-х годов стал быстро узнавать о том, что происходило и происходит прямо сейчас в послевоенной западной литературе, в том числе и главным образом, конечно, в часто эфемерной *беллетристике* — за которой Белинский еще в 1845 году признал полное право считаться частью литературы, поскольку без нее «толпа была бы лишена благодетяний искусства».⁵

«Артель работников науки, литературы, книжной графики и издательского дела „издательство Время“» (1922–1934) десять из двенадцати лет своей истории специализировалась на издании переводной художественной литературы, преимущественно современной: и в первой половине 1920-х (с 1924 года), и после типизации издательств в 1926–1927 годах, и после «великого перелома» вплоть до 1934 года, — и поэтому представляет собой удобный объект для

ликвидировать, под давлением власти и катастрофическим образом, свое частное «Издательство М. и С. Сабашниковых», однако в 1930-м смог зарегистрировать новое, кооперативное издательство «Север», которое было по составу сотрудников и экономическим основаниям непосредственным продолжением издательства Сабашниковых; в своих мемуарных записках он сожалел: «Надо было еще заблаговременно реорганизовать издательство [М. и С. Сабашниковых] на кооперативных началах. В кооперативной форме оно могло бы просуществовать еще лет пять, как просуществовало созданное нами после ликвидации кооперативное товарищество „Север“ вместе с издательствами „Мир“, „Посредник“, „Гранат“, т. е. до 1935 года» (Записки Михаила Васильевича Сабашникова / Под общ. ред. А.Л. Паниной. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1995. С. 512).

⁵ Белинский В. Г. Опыт истории русской литературы [1845] // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 9. С. 160.

описания того, как было устроено в эти годы переводное книгоиздание. Деятельность «Времени» может быть описана весьма детально благодаря тому, что его архив, в отличие от архивов других частно-кооперативных издательств, сохранился целиком и в большом объеме — таким, каким был передан сотрудниками издательства в 1934 году, всего месяц спустя после его закрытия, в Рукописный отдел Пушкинского Дома (фонд 42).⁶ История «Времени» до некоторой степени позволяет охватить историю переводной литературы и после 1934 года, поскольку, уничтоженное как сообщество конкретных людей, создавших издательство и определявших его программу, «Время» как совокупность произведенных им культурных продуктов было интегрировано — «влито», по официальной формулировке, — в государственное книгоиздание как на уровне отдельных сотрудников (переводчиков, редакторов, художников), которые, на договорных началах, продолжили издания, задуманные и начатые еще во «Времени», так и на уровне переводов, выполненных, отредактированных и изданных (или только подготовленных) «Временем», которые потом многие годы переиздавались государственными издательствами. Спустя почти четверть века после закрытия издательства «Время» литературовед, писатель и переводчик Г. П. Блок, ключевой его сотрудник все двенадцать лет существования,⁷ тоже встал на эту точку зрения и, перечисляя лучшие достижения «Времени», назвал исключительно те издания, разработанные и начатые «Временем», которые были продолжены после его закрытия госиздательствами:

⁶ Обширный фонд издательства «Время» в РО ИРЛИ находится в обработке, поэтому далее при ссылках на него мы не указываем номера единиц хранения и листов, а только номер фонда — Ф. 42. Краткий очерк истории «Времени» по материалам этого архива см.: *Шомракова И. А.* Издательство «Время» (1922–1934 гг.) // Книга. Исследования и материалы. М.: Книга, 1968. Сб. 17. С. 199–214; более подробный обзор см.: *Маликова М. Э.* История ленинградского кооперативного издательства «Время». 1922–1934 // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам: Материалы проекта (2011). <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10460>

⁷ Г. П. Блок был в числе четырех первых пайщиков издательства как главный редактор. Во время ссылки в 1925–1928 годах он не прерывал связей со «Временем» (занимался переводами); по возвращении вновь исполнял должность главного редактора (а также переводил, редактировал и писал внутренние рецензии) вплоть до начала 1930-х годов, когда был переведен на техническую должность заведующего производством, однако, судя по материалам архива издательства, и в эти годы продолжал осуществлять организацию его работы; именно Блок (вместе с возглавлявшим издательство в 1930-е годы Н. А. Энгелем) передал архив «Времени» в Рукописный отдел Пушкинского Дома.

«...широко известную научно-популярную серию „Занимательная наука”, Полное собрание сочинений Ромена Роллана, авторизованное автором и выходявшее при чрезвычайно активном его участии, и Полное собрание сочинений Стендаля, которое ещё недавно было охарактеризовано в нашей печати как „лучшее не только в СССР, но и за рубежом научно-критическое издание его произведений” («Литературная газета», № 101/3757 от 22 августа 1957 г.). В 1934 г. наше издательство было влито в Гослитиздат, с которым я установил связь, но уже не служебную, а договорную».⁸ Наиболее разителен в приведенном Блоком перечне Стендаль: «Время» успело в 1933 году выпустить лишь один, шестой, том 15-томного Собрания сочинений Стендаля под общей редакцией А. А. Смирнова и Б. Г. Реизова (выходило в 1933–1949 годах), однако, как свидетельствуют материалы архива «Времени», здесь, действительно, был разработан общий замысел и подготовлены, по новейшему французскому изданию, переводы для нескольких томов, вышедших уже в Гослитиздате. Другое упомянутое Блоком издание «Времени» — лучшая отечественная научно-популярная серия «Занимательная наука», продолжающаяся до сих пор, была разработана под редакцией Я. И. Перельмана и выходила в 1925–1933 годах (в оформлении художника Ю. Д. Скалдина). В 1933 году серия была декретивно передана «Молодой Гвардии» и впоследствии печаталась в разных советских издательствах. Самый фундаментальный и длительный переводной издательский проект «Времени» — авторизованное Полное собрание сочинений Ромена Роллана в 20 томах (1930–1936) — был завершён ГИХЛом;⁹ кроме

⁸ Блок Г. Автобиография [1958]. http://publ.lib.ru/ARCHIVES/B/BLOK_Georgiy_Petrovich/_Blok_G.P.html

Эта точка зрения близка к властной идее культуры и, конечно, не является единственно возможной. 1 августа 1934 года, когда «Время» было официально влито в Госиздат, Г. П. Блок, исходя из других оснований, писал члену издательского товарищества М. А. Кузмину: «С сегодняшнего дня Издательство „Время” уже не существует и все имущество его передано вновь образованному Гос<ударственному> Издательству Худ<ожественной> Литературы» (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 1а; цит. по: Морев Г. А. Комментарии // Кузмин М. А. Дневник 1934 года. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Г. А. Морева. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. С. 277). В настоящей статье мы обращаемся к истории «Времени» как истории его «имущества», т. е. произведенных им культурных продуктов, а не как к истории «сообщества», которая закончилась 1 августа 1934 года.

⁹ Также во «Времени» в последние годы его существования, как свидетельствуют материалы архива, были полностью подготовлены выпущенные уже после его закрытия в Гослитиздате и Худлите с тем же составом переводчиков,

того, выполненные и изданные во «Времени» переводы Роллана (в том числе «Кола Брюньон» М. Л. Лозинского), а также Цвейга, авторизованное Собрание сочинений которого (в 12 томах) издательство выпустило в 1928–1932 годах, стали основными для последующего издания этих авторов в СССР.¹⁰ Таким образом, подспудное влияние «Времени» на советское книгоиздание, прежде всего в области переводной литературы, продолжилось и после закрытия издательства.

Анализ диспозиций, которые находило и создавало для себя «Время» в конце 1920-х — первой половине 1930-х годов в области издания переводной литературы, и специфических для советского литературного поля проблем, с которыми оно при этом сталкивалось, позволяет дифференцированно и в динамике описать различные аспекты функционирования института переводной литературы в советской России этих лет. В частности, обстоятельства, определяющие его деятельность — непринятие Россией международной Бернской конвенции по авторскому праву; ключевая роль Главлита; конкуренция между издательствами; интегрирование кооперативных издательств в государственную систему книгоиздания; взаимоотношения с иностранными авторами и способы получения книжных новинок; критерии отбора книг для перевода; требования к переводу и к предисловиям; рецепция официальной советской критики и массового читателя и пр.¹¹

редакторов и художников, но без указания на роль «Времени», «Избранные новеллы» С. Цвейга (1935), собрания сочинений Шарля-Луи Филиппа (1935–1936), Томаса Манна (1935–1938), Андре Жида (1935–1936) и его же «Страницы из дневника 1929–1932» (1934) и др.

¹⁰ Кроме того, несколько выпущенных «Временем» в середине 1920-х годов переводов иностранной беллетристики, ориентированной, скорее, на бульварный вкус, были переизданы коммерческими издательствами 1990-х годов — это романы Оливии Уэдсли, «Присцилла из Александрии» Мориса Магра, «Три Шарлотты» Эдны Фербер, «Падение Сюзанны Ленокс» и «Возвышение Сюзанны Ленокс» Грэхема Филлипса, «Ногораи» (переиздано под заглавием «Куртизанка с Таити») Жака Дорсенна.

¹¹ В настоящей статье мы выделим только те проблемы в истории издательских проектов «Времени», которые значимы для понимания механизмов функционирования системы переводного книгоиздания в советской России. Подробное описание всех упоминаемых проектов см.: Маликова М. Э. История ленинградского кооперативного издательства «Время». 1922–1934.

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА:
АВТОРИЗОВАННОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ СТЕФАНА ЦВЕЙГА

При упоминании издательства «Время» прежде всего и как аналогичные называют два издания — многотомные собрания сочинений Стефана Цвейга (в 12 т.; 1928–1932) и Ромена Роллана (в 20 т.; 1930–1936), подготовленные в близком контакте с авторами, обширная двусторонняя переписка с которыми отложилась в архиве издательства.¹² Однако на самом деле между этими изданиями существует радикальное различие. Начало работы над переводами и изданием сочинений Цвейга относится к 1926 году, когда «Время» достигло положения самого экономически мощного ленинградского кооперативного издательства¹³ благодаря двум очень успешным проектам, начатым в 1925 году и оставленным в его программе при типизации, — научно-популярной серии «Занимательная наука» и переводной художественной литературе, точнее, современной беллетристике, к которой в полной мере относили тогда и Цвейга. Что касается издания Собраний сочинений Роллана, то оно было задумано «Временем» в конце 1928 года, когда власть фактически лишила кооперативные издательства возможности выпускать отдельные переводные книги, так что в течение нескольких лет фундаментальное и при этом «общественно значимое» издание Роллана, который, в отличие от Цвейга, имел в СССР статус «классика» и лучшего западного «друга Советского Союза», служило основной опорой для продления легитимации «Времени» в глазах власти. Поэтому издание Цвейга, лишь в малой степени попадающее на 1930-е годы, мы рассмотрим как контрастный фон издания Роллана.

¹² См.: Переписка Стефана Цвейга с издательством «Время». 1925–1934 / Предисл., публ. и комм. М. Ю. Кореновой; тех. подг. Л. В. Зародовой // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам: Материалы проекта (2011). <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10460>; Ромен Роллан в его переписке с издательством «Время». 1928–1934 / Предисл., публ. и комм. П. Р. Заборова // Там же. См. также расширенный вариант последней публикации в настоящем сборнике — *Прим. отв. ред.*

¹³ См.: *Подобный Ф.* Частная издательская промышленность в Ленинграде // Бюллетень Комитета по делам печати при Наркомторге СССР и Совета Съездов газетных и книжных издательств и предприятий по распределению произведений печати. М.; Л.: ГИЗ, 1927. № 1–2. С. 38–40.

Дифференциация беллетристики

В 1925 году Б. М. Эйхенбаум писал:

«В истории русской литературы XX века придется, по-видимому, отвести особое место периоду переводной беллетристики <...>. Сейчас переводная беллетристика заполняет собой пустоту, образовавшуюся в нашей самобытной литературе, пустоту, быть может, кажущуюся, но для читателя несомненную. Читатель — не историк литературы. Кризисы, переломы, сдвиги — все это мало интересует его; ему нужно, чтобы в часы досуга у него под руками была увлекательная книга. Ему нужен готовый, обработанный продукт, — сырье интересно профессионалам. <...> И вот, начиная с 1919–1920 г., книжные лавки стали пестреть переводами, поток которых к 1923–1924 г. достиг необычайной силы. Русская литература как бы уступила свое место „всемирной”».¹⁴

Говоря о «всемирной» литературе, Эйхенбаум имеет в виду не монументальные проекты создания советского канона всемирной классики, начатые одноименным горьковским издательством, а «увлекательную книгу», «переводную беллетристику»: «Джек Лондон, О’Генри и Пьер Бенуа, — по иронической характеристике Шкловского 1924 года, — сейчас самые читаемые русские писатели».¹⁵ Филологов-формалистов это явление интересовало в первой половине 1920-х годов, когда оно было новым и острым, и когда его ключевыми чертами было массо-

¹⁴ Эйхенбаум Б. М. О. Генри и теория новеллы. С. 166.

¹⁵ Шкловский В. Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). М.: Советский писатель, 1990. С. 192. Во «Всемирной литературе» такого рода книги выходили в серии «Новости иностранной литературы» (продолжавшейся после закрытия «Всемирной», до 1928 года, в ленинградском отделении ГИЗа (с 1927 под названием «Библиотека „Всемирной литературы”») и «Круге», который возглавлял входивший в руководство «Всемирной» А. Н. Тихонов), не связанной с тоталитарно-просветительской идеологией канона, характерной для «Всемирной литературы», и не отличавшейся от того, что печатали в эти годы частно-кооперативные издательства. Из названных Шкловским авторов Пьера Бенуа в 1920-е годы издавали, помимо ГИЗа, «Мысль», «Атений», «Современные проблемы» Н. А. Столяр и др.; О’Генри — «Сеятель», «Мысль» и др.; Д. Лондона — почти все известные издательства, особенно активно «Мысль», «Г. Ф. Мириманов», «Сеятель».

вое производство русских переводов названных Шкловским авторов¹⁶ и усвоение этого явления отечественной литературой.¹⁷

Однако и позже, до 1928–1929 годов, в советской России продолжало выходить огромное количество беллетристики иного рода. Хотя «Время» входило в тройку наиболее сильных ленинградских кооперативных издательств, выпускавших переводную литературу, преимущественно современную,¹⁸ ни одного из названных выше популярных иностранных авторов оно не печатало, а занималось штучным отбором иностранных книг (о чем свидетельствуют сохранившиеся в архиве сотни внутренних рецензий), которые в целом знакомили советского читателя с тем, что читают в послевоенной Европе — новых французских лауреатов Гонкуровской премии, как Морис Бэдэль

¹⁶ Статистика подтверждала, что по числу русских переводов иностранные авторы действительно шли приблизительно в порядке, указанном Шкловским: Д. Лондон, Э. Синклер, О'Генри, У. Берроуз, Г. К. Честертон, Конан Дойль (см.: *Шамурин Е. И.* Общие контуры книжной продукции 1924 года (Библиографический обзор) // Книга в 1924 году в СССР / Под ред. Н. Ф. Яницкого. Л.: Сеятель, [1925]. С. 124–125).

¹⁷ Влияние бума переводной литературы в советской России первой половины 1920-х годов на отечественную литературу этого времени выразилось прежде всего в широком распространении лозунга «учебы сюжетостроению», а также в объявлении «пинкертоновщины» (первый всплеск ее популярности пришелся на время «реакции» после революции 1905 года, когда критика воспринимала «пинкертоновщину» как сугубо негативное проявление «готтентотского» вкуса массового читателя; см.: *Чуковский К.* Нат Пинкертон и современная литература [1908] // Чуковский К. Книга о современных писателях. СПб.: Шиповник, 1914. С. 72) основанием для новой пролетарской литературы, что было сформулировано в «заказе» власти отечественной литературе создать «красного пинкертона», т. е. пропаганду идей и событий революции, Гражданской войны, борьбы классов в увлекательной «пинкертоновской» форме (подробнее см.: *Маликова М. Э.* «Коммунистический Пинкертон»: «социальный заказ» нэпа // Вестник истории, литературы и искусства. 2006. Т. 2. С. 278–291).

¹⁸ В Ленинграде переводчик, получив тем или иным путем из-за границы новую иностранную книжку, по иронической характеристике Чуковского, бежал «со всех ног» прежде всего в три частно-кооперативных издательства — «в „Мысль“, в „Ленинград“» (имеется в виду издательство «Петроград». — *М. М.*), во „Время»» (Письмо К. И. Чуковского к Р. Н. Ломоносовой от 29 августа 1925 года // «Ах, у каждого человека должна быть своя Ломоносова...»: Избранные письма К. И. Чуковского к Р. Н. Ломоносовой. 1925–1926 гг. / Публ. Р. Дэвиса. Предисл. Е. Чуковской и Р. Дэвиса // In Memoriam: Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж: Феникс-Atheneum, 2000. С. 309).

и Морис Женева;¹⁹ Панаита Истрати — «балканского Горького», советская слава которого началась практически одновременно с европейской (перевод его романа «Кира Киралина», вышедшего по-французски в 1924-м, «Время» выпустило в 1925 году); новых, но традиционалистских английских романистов;²⁰ любовный роман с социальным элементом (тут нарицательным стало имя Оливии Уэдсли, переводы трех романов которой «Время» в 1926–1928 годах неоднократно переиздавало с огромным успехом, хотя критика справедливо заклеяла творчество этой весьма популярной английской романистки, назвав его «все для мещанина»²¹); экзотический роман, написанный от лица не европейца, а «дикаря» (бум этой разновидности колониального романа начался с «Бауталы» (1921) негра Рене Марана, уже в 1922 году переведенной «Всемирной литературой»); во «Времени» вышел «Тум» Луи Февра (1926)); прогрессивных американских романисток, писавших о судьбе молодых женщин (часто из эмигрировавших в Америку еврейских семейств), стремящихся к независимости (в продукции «Времени» это Фанни Херст, Анджя Езерская, Берта Пирл, Эдна Фербер, Мэри Энтин, вновь востребованные в последнее время феминистской критикой); новые и старые романы авторов, памятных читателям по довоенным временам, как Клод Фаррер, братья Жером и Жан Таро, Рикарда Гух, Эрнст Цан и др.²²

¹⁹ В 1928 году «Время» перевело роман Бэдэля «Любовь на 60° северной широты» («Jégoûme. 60° latitude nord»), получивший Гонкуровскую премию 1927 года. Перевод получившего премию 1926 года романа Женева «Кролик» («Raboliot») успела первой выпустить «Мысль» (1926); во «Времени» в 1927 году вышел более ранний роман этого автора «Радость» («La joie», 1924).

²⁰ Первый современный переводной роман, вышедший во «Времени» в 1924 году, «Когда наступит зима» («If Winter Comes», 1921) британца А. С. М. Хатчинсона, был самым продаваемым романом в США в 1922 году; Р. Ф. Куллэ, литературовед и сотрудник «Времени», связал этот успех с тем, что роман принадлежит к «средней литературной продукции», наиболее популярной у массового читателя, и при этом специфически английской — то есть, несмотря на современное, послевоенное время действия, более эстетически консервативной и традиционалистской, чем французская или немецкая (см.: Куллэ Р. Ф. Этюды о современной западно-европейской и американской литературе. М.; Л.: ГИЗ, 1930. С. 126–128).

²¹ Карклина Н. Романы Уэдсли, или «все для мещанина» // Книга и профсоюз. 1928. № 10. С. 8.

²² Библиографию изданных «Временем» в 1924–1934 годах произведений переводной художественной литературы, без малого 150 отдельных названий, не считая собраний сочинений, см.: Маликова М. Э. История ленинградского кооперативного издательства «Время». 1922–1934 (прил.).